

Наложница
для
Кошеч

СМЕРТЬ НА ДВОИХ

МАРГАРИТА КИРОВА

Маргарита Кирова

Наложница для Кощея: Смерть на двоих

<https://litres.ru/73892919>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мирослава – десятая «дань», но единственная, у кого в волосах прячется смерть. Она пришла в ледяной замок не молить о пощаде, а убить Кощея Бессмертного, чтобы спасти свой город. Однако костяной царь видит её насквозь и предлагает игру: за каждый неудачный удар – ночь в его покоях. Чудовище, которое на самом деле спасает? Оружие, которое начинает чувствовать? Там, где стены имеют уши, а лёд хранит правду, один промах может стоить жизни – или сердца.

Содержание

ЧАСТЬ I. ТАНЕЦ НА ОСТРИЕ НОЖА	4
ГЛАВА 1. МАСКА ПОКОРНОСТИ	4
ГЛАВА 2. ХОЛОДНЫЙ ТРОН	16
ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ПРОМАХ	31
ГЛАВА 4. ПРАВИЛА ИГРЫ	49
ГЛАВА 5. ЮЖНОЕ КРЫЛО	73
ГЛАВА 6. МЁРТВЫЙ ЛЕС	96
ГЛАВА 7. ЦЕНА ПОПЫТКИ	108
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Наложница для Кощея: Смерть на двоих

ЧАСТЬ I. ТАНЕЦ НА ОСТРИЕ НОЖА

ГЛАВА 1. МАСКА ПОКОРНОСТИ

Лёд под моими туфлями был прозрачным.

Под ним лежало лицо.

Женское, бледное, с открытым ртом, будто она всё ещё пыталась вдохнуть.

Я не вздрогнула.

Не потому, что не испугалась. Просто справа шла княжеская надсмотрщица, а слева – девять девушек, отобранных за красоту, мягкость кожи, длину кос и тонкость запястий. За всё то, что мужчины называют ценой, когда не хотят говорить «жертва».

Я была десятой.

И единственной, у кого в волосах пряталась смерть.

– Голову ниже, – прошипела надсмотрщица.

Я опустила подбородок.

Не из покорности. Так было удобнее считать шаги.

От главных ворот до первой арки – тридцать семь. От арки до внутреннего двора – ещё шестьдесят два. Стража стояла через каждые двенадцать шагов. Живыми были не все. Остальные не дышали, не моргали, не оставляли следов на снегу. Их лица скрывали железные маски с прорезями вместо глаз.

У одной маски прорезь была треснута.

Через неё смотрела тьма.

Девушка впереди меня тихо всхлипнула. Милана. Имя я запомнила не сразу: последние три дня мы ехали в одной карете, а она так часто плакала, что имя растворялось в этом звуке.

Стена замка ответила ей.

Сначала один голос. Потом второй. Потом сразу десяток, тонких, ледяных, похожих на детское передразнивание.

Милана зажала рот рукой.

Надсмотрщица ударила её по пальцам веером.

– Тише. Благодарю богов, что тебя увидит сам великий Кошечей.

Боги, если они ещё оставались где-то над этим северным адом, ничего не ответили.

Замок поднимался вокруг нас, как зверь, свернувшийся кольцами: башни из синего льда, стены с чёрными прожилками, крыши, острые как зубы. В окнах не было света. Только слабое белое мерцание, будто кто-то держал внутри не

свечи, а куски луны, вырванные вместе с холодом.

Я вдохнула через нос.

Медь.

Соль.

И что-то старое, лежавшее под ними, как кость под тонким слоем земли.

Яд на заколке пах горьким миндалём, но только для того, кто знал, куда прислушиваться. Марена научила меня различать яды с завязанными глазами. Три капли на иглу, одна в паз у основания, чтобы не стекло. Не касаться кожи. Не чесать висок. Не позволять никому поправить волосы.

Последнее было труднее всего.

Мои волосы уложили высоко, в княжескую причёску, хотя княжной я не была. Тёмная коса обвивала голову, серебряные нити держали пряди, а над правым ухом сидела тонкая костяная шпилька. Если смотреть прямо, украшение. Если выдернуть и ударить под ребро – смерть.

Если у Кощея было сердце.

Я едва улыбнулась.

Надсмотрщица заметила.

– Весело тебе?

– Нет, госпожа.

– И правильно. Красивых он берёт ненадолго.

Сзади кто-то задохнулся новым всхлипом. Я не обернулась. Жалость – плохая спутница для убийцы. Она шумит, отвлекает, заставляет руку дрожать в ту секунду, когда дро-

жать нельзя.

Но я запомнила голос.

Тонкий. Испуганный. Очень молодой.

Ей было, может, шестнадцать.

Мне девятнадцать. Достаточно, чтобы умереть за княжество. Недостаточно, чтобы кто-то спросил, хочу ли я этого.

Нас провели через двор.

Снег там был утрамбован до блеска. Посреди двора стоял колодец без сруба, просто круглая дыра во льду. Оттуда шёл пар. Не тёплый – белый, густой, пахнувший могильной глиной. У колодца сидела девочка лет семи и плела венок из сухих белых трав.

Я замедлилась.

Девочка подняла голову.

Глаза у неё были чёрные, без белков.

– Не смотри, – бросила надсмотрщица.

Я посмотрела.

Девочка улыбнулась, приложила палец к губам и показала мне венок. В нём были вплетены крошечные косточки. Птичьи, наверное. Или детские.

Надсмотрщица дёрнула меня за рукав так резко, что шов на плече хрустнул.

– Ты что, глухая?

– Простите.

– Ещё раз ослушаешься – я скажу, что ты испорченная.

– Скажите.

Она остановилась.

Девушки впереди тоже остановились. Воздух между нами стал тонким, как стекло перед трещиной.

Надсмотрщица развернулась ко мне. Она была низкой, сухой, с лицом женщины, которая давно забыла, как выглядит без злости.

– Что?

Я держала голову склонённой. Покорная. Тихая. Послушная.

– Скажите ему, что я испорченная, – повторила я мягко.
– Может быть, тогда он выберет другую.

У неё побелели губы.

Хорошо.

Пусть злится. Пусть запомнит меня дерзкой и глупой. Главное – пусть не заметит, как я прижимаю локоть к боку, прикрывая движение пальцев.

Я проверила шпильку.

На месте.

Надсмотрщица подняла руку.

Лёд под её ногами почернел.

Не сразу. Сперва тонкая жилка, потом вторая, третья. Они расползлись вокруг её туфель, как чернила в воде. Она замерла с поднятой ладонью.

Из стены донёсся скрежет.

Низкий, долгий.

Будто замок рассмеялся.

Надсмотрщица медленно опустила руку.

– Веди себя тише, девка. Здесь стены любят голоса.

– Я заметила.

Она больше не ударила.

Мы вошли в замок.

Внутри было теплее, чем снаружи, и от этого становилось хуже. Чересчур много тел ожидало тепла. Чересчур много мёртвого камня притворялось домом. По обе стороны зала стояли колонны, в каждой застыло по человеку. Не целиком. Где лицо. Где рука. Где раскрытая ладонь, прижатая к ледяной поверхности изнутри.

Милана заплакала снова.

На этот раз тише.

Я хотела сказать ей, чтобы она перестала. Не из милости. Из расчёта. Чересчур много страха привлекает внимание. А внимание Кощея должно было быть на мне, когда я окажусь достаточно близко.

Но слова застряли.

В одной из колонн была ладонь мальчика. Маленькая. Узкая. С обломанным ногтем на среднем пальце.

Как у Ладана.

Я перестала идти.

Ладан вечно ломал ногти, лазая по заборам, по яблоням, по крыше старой конюшни. Я ругала его. Он смеялся и говорил, что если будет ходить по земле, как все нормальные люди, земля решит, что он ей принадлежит.

Мой брат всегда боялся принадлежать чему-то.

Теперь он спал подо льдом вместе со всем нашим городом.

Мне обещали, что если я убью Кощея, лёд растает.

Мне обещали, что отец откроет глаза.

Мне обещали, что Ладан побежит по двору босиком и снова разобьёт колено у колодца.

Люди много обещают тем, кого отправляют на смерть. Слова не весят ничего. Их удобно класть в чужие руки вместо оружия.

Но оружие у меня уже было.

– Идти, – сказала надсмотрщица.

Я пошла.

Коридор с колоннами вывел нас в зал ожидания. Там горели синие чаши. Пламя в них не шевелилось. У дальних дверей стояли двое слуг в белых масках. Их одежда была без единой складки. Пальцы – слишком длинные для человеческих.

Один из них наклонил голову.

– Дань княжества Волотского, – произнесла надсмотрщица. Голос её дрогнул. Совсем чуть-чуть. – Десять девиц, отобранных по приказу.

По приказу.

Так это называлось теперь.

Не продажа.

Не жертвоприношение.

Не трусливая попытка всучить чудовищу девушек вместо

солдат, потому что солдат княжество больше не имело.

Приказ.

Слуга в белой маске повернул лицо к нам.

– Имена.

Девушки начали называть себя. Одна за другой. Голоса звенели, ломались, падали на пол, как бусины с порванной нити.

– Дарья.

– Милана.

– Весна.

– Любава.

– Олеся.

Я не слушала дальше. Я смотрела на двери.

Они были выше любой городской стены. На них не было резьбы, только один знак: тонкая игла, прошивающая круг. Знак казался простым, пока взгляд не начинал скользить по нему. Тогда круг становился глазом. Игла – зрачком. И всё вместе смотрело в ответ.

– Мирослава.

Я поняла, что сказала это чересчур ровно.

Слуга замер.

Надсмотрщица резко повернула ко мне голову.

Я должна была назвать другое имя. То, которое мне дали для этой дороги. Мирана. Подставная княжеская племянница, выдуманная советом. Девушка без прошлого, без врагов, без семьи, которую можно не искать, если она исчезнет.

Мирослава — имя, которым меня звал отец, когда сердился. Имя, которое Ладан тянул нараспев, если хотел что-то выпросить. Имя, которое не должно было прозвучать в ледяном замке.

Слуга наклонился ближе.

Через прорези маски я увидела не глаза. Белый дым.

— Мирослава, — повторил он. — Какое смелое имя для покорной дани.

— Мне его не выбирать.

— Никому из живых не выбирать имён. Только судьбы.

Я улыбнулась краем губ.

— Тогда у меня сегодня много работы.

Слуга не ответил.

Но двери дрогнули.

Не открылись. Просто дрогнули, будто за ними кто-то приложил ладонь к другой стороне.

Девушки сбились ближе друг к другу. Надсмотрщица попятилась на полшага и тут же заставила себя остановиться. Белые маски развернулись к дверям. Синие чаши вспыхнули ярче.

Я почувствовала, как шпилька в волосах нагрелась.

Сначала я решила, что это от страха. Тело умеет врать не хуже людей: бросает жар в лицо, сушит язык, колотит сердце так, будто у него есть право голоса.

Но тепло было точным.

Одна точка над правым ухом.

Яд не должен был греться.

Двери открылись внутрь без звука.

За ними лежал тронный зал.

И оттуда вышел холод, который был живым.

Он коснулся моих щиколоток, поднялся под платье, скользнул по спине, остановился у основания шеи. Я не двинулась.

Слуга в белой маске отступил.

– Великий государь ждёт.

Надсмотрщица сглотнула.

Девушки пошли.

Я пошла последней.

Лёд под ногами больше не был прозрачным. В нём текли тёмные жилы, похожие на замёрзшую кровь. Трон стоял в конце зала, на возвышении из чёрного камня, но пока был пуст.

Пустой трон страшнее полного. Он заставляет ждать.

А ожидание – это нож, который враг держит не в руке, а у тебя под кожей.

Мы выстроились полукругом. Надсмотрщица опустилась на колени. Девушки поспешно повторили за ней. Я тоже встала на колени, потому что покорность – маска, а маски нужно носить без зазоров.

Плиты под коленями были такими холодными, что боль сразу стала чистой.

Хорошо.

Боль держит в теле. Боль не даёт думать о ладони мальчика в колонне. О брате подо льдом. Об отце, который, может быть, никогда не проснётся, даже если я сделаю всё правильно.

Слева тихо шепнули:

– Он убьёт нас?

Это была Милана.

Я не повернула головы.

– Не всех.

Она втянула воздух.

– Откуда ты знаешь?

Я смотрела на пустой трон.

– Чудовища любят выбирать.

За спиной раздался шаг.

Один.

Потом второй.

Неторопливый. Ровный. Никакого звона шпор, никакого скрипа кожи, никакой суеты живого человека, который занимает место в мире шумом.

Только шаги.

Я опустила взгляд ещё ниже. Увидела край чёрного плаща. Узкую ладонь без перчатки. Бледную кожу. На запястье – тёмные знаки, будто кто-то выжег руны и залил их чернилами.

Он прошёл мимо меня.

И остановился.

Не перед первой девушкой.

Не перед самой красивой.

Передо мной.

Я смотрела в пол и видела носки его сапог. Чёрная кожа, покрытая инеем. На правом сапоге – тонкая царапина. Свежая.

Он только что был где-то, где его можно было ранить.

Полезно.

Надо запомнить.

Молчание стало плотным.

Потом над моей головой прозвучал мужской голос:

– Подними лицо.

Он говорил негромко.

Такие голоса слушаются раньше, чем успеваешь возненавидеть приказ.

Я подняла лицо.

И впервые увидела Кощея.

ГЛАВА 2. ХОЛОДНЫЙ ТРОН

Я ожидала старика.

Так рассказывали няньки у печей, когда хотели, чтобы дети не бегали к реке после заката: Кощей Бессмертный, косяной царь, сухой и жадный, с руками, похожими на корни, с бородой из инея и зубами, которыми он грызёт сердца непослушных девок.

Передо мной стоял не старик.

Мужчина.

Высокий. Неподвижный. Бледный так, будто кровь давно ушла из его кожи и оставила вместо себя северный свет. Чёрные волосы стянуты на затылке кожаным шнуром. На виске – одна серебряная нить, резкая, как след клинка. Лицо спокойное до холода. Красивое так, что сразу хотелось искать подвох.

Но страшнее всего были глаза.

Не синие. Не серые.

Сталь, которую вынесли на мороз и забыли на ночь.

Он смотрел на меня не как на девушку на коленях. Скорее как на письмо, которое уже читал и теперь проверял: не изменились ли буквы.

Я заставила себя дышать ровно.

Раз.

Два.

Три.

Его взгляд опустился к моим волосам.

Шпилька снова стала тёплой.

– Имя, – сказал он.

Слуги в белых масках у дверей стали ещё неподвижнее.

Надсмотрщица едва не коснулась лбом пола.

Я могла солгать.

Должна была.

– Мирослава.

Его глаза вернулись к моим.

– Это имя тебе дали для дороги?

– Для жизни.

– Жизнь редко спрашивает разрешения.

– Смерть тоже.

У надсмотрщицы вырвался тихий звук. Кто-то из девушек всхлипнул. Я видела только Кощея.

Он не улыбнулся.

Но тень от его ресниц дрогнула.

– Смелая?

– Нет.

– Лжёшь плохо. Даже для бессмертного.

– Учусь у лучших.

Теперь в зале стало совсем тихо.

Я поняла, что перегнула, когда одна из чаш с синим пламенем погасла сама собой.

Кощей поднял руку.

Не на меня. К чаше.

Пламя вспыхнуло вновь, высокое и белое. Воздух пахнул озоном. У меня пересохло во рту. На его пальцах тоже были руны, тонкие, почти скрытые под кожей. Они шевельнулись, когда огонь подчинился.

Он перешёл к следующей девушке.

Милана смотрела в пол так упорно, будто могла провалиться в него, если очень попросить. Кощей остановился перед ней.

– Ты боишься темноты.

Она задрожала.

– Н-нет, государь.

– Боишься. В детстве тебя запирали в погребе.

Милана издала короткий звук, как раненая птица.

Кощей не тронул её. Только пошёл дальше.

Перед Дарьей он сказал:

– Ты мечтала, что тебя выберут. Теперь жалеешь.

Дарья побледнела.

Перед Весной:

– Ты беременна.

Надсмотрщица резко подняла голову.

– Этого не может быть, великий государь, её проверяли...

Кощей не посмотрел на неё.

– Проверяли руки. Не судьбу.

Весна закрыла лицо ладонями.

– Я не знала, – выдохнула она. – Клянусь, я не знала.

– Знаешь теперь.

Он щёлкнул пальцами. От стены отделилась женщина в сером платье. До этого я принимала её за тень.

– Отведите её в южное крыло. Тёплая комната. Молоко. Никаких лестниц.

Весну подняли осторожно. Не как дань. Как человека, который может упасть.

Первая трещина появилась не в стене.

Во мне.

Кощей не убил её. Не бросил в подземелье. Не рассмеялся. Просто отдал приказ так, будто беременную девушку из княжеской жертвы следовало оберегать.

Я заставила трещину закрыться.

Чудовища тоже умеют выбирать удобную доброту.

Он осмотрел остальных. Быстро. Точно. Каждой говорил то, чего она не хотела слышать. Одна боялась остаться некрасивой. Вторая украла у матери серьги перед отъездом. Третья молилась не богам, а тому, чтобы выбрали соседку.

Он не унижал. Не повышал голоса.

Просто вытаскивал правду, как тонкую кость из горла.

Когда вернулся ко мне, я уже стояла.

Не помню, когда поднялась. Наверное, после Весны. Наверное, мне надоело смотреть снизу вверх.

Надсмотрщица прошипела:

– На колени!

Я не двинулась.

Кощей посмотрел на неё.

– Молчать.

Одно слово.

Надсмотрщица закрыла рот так быстро, что зубы щёлкнули.

Он подошёл ближе.

Теперь я видела руны на его горле. Они уходили под высокий ворот чёрной одежды. Древние знаки, не похожие на княжеские обереги. В них было что-то острое. Неправильное. Как буквы, которыми писали не люди, а голод.

– Ты держишь правую руку свободно, – сказал он.

Я не ответила.

– Пальцы не сжаты. Локоть чуть отведён. Левая стопа отставлена назад. Если бы ты сейчас была, удар шёл бы снизу.

Я позволила себе моргнуть.

Только один раз.

– Вы хорошо смотрите на девушек, государь.

– На оружие.

Сердце ударило в рёбра.

Он наклонился чуть ближе. Между нами всё ещё оставалось расстояние. Неприлично малое для тронного зала. Смертельно большое для шпильки.

– Ты оружие, Мирослава?

– Сегодня все мы то, чем нас назвали мужчины.

Он посмотрел на надсмотрщицу.

Та снова склонилась до пола.

– Кто её назвал?

– Княжеский совет, великий государь, – быстро ответила она. – Девушка из доброго рода. Тихая. Послушная. Подходящая для...

Кощей повернул к ней голову.

– Для чего?

Надсмотрщица сглотнула.

– Для службы.

Я почти пожалела её.

Кощей не стал повторять вопрос. Он просто ждал.

Тишина давила.

Надсмотрщица начала дрожать.

– Для вашей милости, великий государь.

– Милость не требует дани.

– Мы... мы лишь исполнили старый договор.

– Старые договоры любят трусливые люди. На них удобно класть свежую кровь.

Милана тихо всхлипнула. На этот раз никто не ударил её.

Кощей выпрямился.

– Остальных – в южное крыло.

Девушки не сразу поняли.

Надсмотрщица подняла голову.

– Великий государь?

– Их накормят. Обогреют. Проверят на болезни. Каждой дадут комнату.

– Но дань...

– Дань стоит передо мной.

Холод прошёл по моей спине так медленно, будто у него были пальцы.

Девушек начали уводить. Милана посмотрела на меня. В её глазах был ужас, благодарность и что-то ещё, хуже первого и второго. Надежда.

Я отвернулась.

Надежда делает людей жестокими. Они начинают верить, что кто-то другой должен умереть правильно, чтобы они жили.

Весну уже увели. Дарья цеплялась за рукав соседки. Любава шептала молитву. Одна за другой они исчезли за боковой дверью, где серые слуги держали меховые накидки.

Меховые.

Для дани.

Я осталась одна перед троном.

Надсмотрщица тоже попыталась отступить, но Кощей поднял два пальца.

– Не ты.

Она замерла.

– Кто дал ей имя Мирана?

Вот теперь мне стало холодно по-настоящему.

Надсмотрщица молчала.

Кощей сделал шаг к ней.

– Отвечай.

– Совет, – выдохнула она. – Велели... велели сказать, что

она племянница князя. Дальняя. Без наследства.

– А она?

– Дочь воеводы Радомира.

Моё тело не дрогнуло.

Внутри что-то повернулось острым краем.

Она знала. Эта сухая женщина знала, кто я. Знала, что везёт не безымянную девку, а дочь человека, который семь лет лежит под льдом.

Кощей посмотрел на меня.

– Тебе сказали, что отец жив?

– Мне сказали достаточно.

– Нет. Тебе сказали удобное.

– А вы скажете правду?

– Не здесь.

– Боишься стен?

Он едва улыбнулся.

Недоулыбка хуже улыбки: в ней всегда прячется обещание.

– Стены боятся меня.

Замок тихо скрипнул.

Я не знала, было ли это согласием.

Надсмотрщица стояла на коленях, сгорбившись так, будто её старые кости уже чувствовали приговор. Кощей повернулся к ней.

– Передашь княжескому совету: договор исполнен. Все девушки живы. Дань принята.

Надсмотрщица подняла голову резко.

– Вы отпускаете меня?

– Нет.

Она побелела.

– Но...

– Совет послал десять девушек в мой замок, зная, что дороги заражены. Ты сопровождала их и трижды ударила младшую за плач. Дважды отказала им в воде, чтобы не останавливать сани. Один раз подумала, что если волки заберут слабую, будет легче вести остальных.

Надсмотрщица раскрыла рот.

Я тоже не сразу вдохнула.

Кощей говорил спокойно. Скупое. Как человек, читающий список покупок.

– Я не люблю расточительность, – сказал он. – Даже в жестокости.

Из пола поднялись две тени. Они взяли надсмотрщицу под руки.

Та закричала.

Не громко. Воздуха не хватило.

– В кухню, – сказал Кощей. – Пусть чистит котлы семь лет. Если выживет – отдайте ей тёплые сапоги и дорогу домой.

Тени увели её.

Я смотрела им вслед, пока крик не растворился за дверью.

– Это должно было меня впечатлить?

– Нет.

– Тогда зачем?

– Ты считала меня чудовищем. Я не хотел, чтобы ты разочаровалась резко.

Я встретила его взгляд.

– Не волнуйтесь. До разочарования далеко.

– Хорошо.

Он спустился с последней ступени возвышения. Теперь мы стояли почти на одном уровне.

Почти.

Это слово будто держало его целиком: не совсем человек, не вполне живой, недостаточно близко.

Я могла бы ударить.

Расстояние было неподходящим, но возможным. Шпилька в волосах. Правая рука. Шея открыта на толщину пальца между воротом и линией челюсти.

Он видел это.

Конечно видел.

– Попробуешь сейчас? – спросил он.

Я не потянулась к шпильке.

– Не люблю плохие попытки.

– Разумно.

– Вы говорите так, будто хотите, чтобы я попыталась.

– Хочу.

Синий огонь в чашах шевельнулся.

Я не знала, что ответить. Это злило больше, чем его власть. Больше, чем его спокойствие. Больше, чем то, как он

произносил моё имя, будто оно давно лежало у него на языке.

– Почему?

Он подошёл ещё ближе.

Теперь между нами оставался один вдох.

Я почувствовала холод его тела. Не запах. Не тепло кожи, как у живого мужчины. Холод – чистый, тонкий, с металлической горечью. Он не касался меня. И всё равно моё тело заметило каждую линию его присутствия.

Он поднял руку.

Я напряглась.

Пальцы остановились у моего виска. Не тронули кожу. Только коснулись шпильки.

Яд на ней вспыхнул жаром.

– Потому что, Мирослава, – сказал он тихо, – ты принесла в мой дом смерть и спрятала её так небрежно, будто я не узнаю старую знакомую.

Он вынул шпильку из моих волос.

Мир сузился до костяной иглы между его пальцами.

Я бросилась вперёд.

Поздно.

Его вторая рука поймала моё запястье. Не больно. Хуже. Точно. Большой палец лёг на жилу, и вся сила моей руки исчезла, как будто он выдернул из неё нить.

Я ударила коленом.

Он развернул меня на полшага. Не бросил. Не скрутил.

Просто переместил, словно я была частью танца, который он уже знал.

Моя спина едва коснулась его груди.

Между нами оставалась тонкая полоска воздуха.

В ней было больше угрозы, чем в ножах у горла.

– Левая рука, – напомнил он возле моего уха. – Ты зря ею не пользуешься.

Я рванулась.

Он отпустил.

Я отступила так резко, что край платья скользнул по льду. Волосы рассыпались по плечам. Без шпильки причёска потеряла форму. Без оружия я вдруг почувствовала себя почти голой.

Он смотрел не на волосы.

На меня.

– Выберите другую, – сказала я.

– Я уже выбрал.

– Тогда убейте.

– Тебе очень хочется, чтобы всё было просто.

– Мне хочется, чтобы вы перестали говорить загадками.

– Нет. Тебе хочется умереть с чистой ненавистью. Это легче, чем жить с сомнением.

Я усмехнулась.

– Вы плохо знаете живых, если думаете, что сомнение страшнее смерти.

– Я знаю живых лучше, чем они сами.

– Потому что убили много?

– Потому что спас больше, чем заслуживали.

Эти слова ударили не силой. Неправильностью.

Я ждала хвастовства. Угроз. Легенды. Он дал мне что-то другое, и я не успела понять, где в этом ловушка.

Кощей повернул шпильку между пальцами. Костяное острие блеснуло. Яд должен был оставлять едва заметную зеленоватую плёнку. На его коже он стал чёрным.

Он провёл иглой по своей ладони.

– Нет! – вырвалось у меня.

Я не успела остановить слово.

Он поднял глаза.

Разрез был неглубоким. Чёрная капля выступила на бледной коже, задержалась, втянулась обратно. Яд вспыхнул тонким дымком и исчез.

– Слабый, – сказал он.

Я сжала пальцы.

– Для следующего попрошу сильнее.

– Не проси. Укради.

Он протянул мне шпильку.

Я не взяла.

– Боишься?

– Думаю, где подвох.

– Везде.

– Честно.

– Иногда.

Я выхватила шпильку.

Его пальцы не дрогнули, когда острое прошло рядом с ними. Глупо с его стороны. Или рассчитано. Я уже понимала, что в нём трудно отличить одно от другого.

Он развернулся к трону.

– Мирославу проводят в северные покои.

У стен шевельнулись слуги.

Я подняла подбородок.

– Я не ваша.

Он остановился.

Обернулся не полностью. Только голова, линия плеча, край взгляда.

– Пока нет.

Этого хватило, чтобы злость выжгла во мне страх.

– Никогда.

Теперь он посмотрел прямо.

– Никогда – слово для тех, кто мало прожил.

Я шагнула к нему.

– А бессмертным можно всё?

– Нет.

– Что же вам нельзя?

Он молчал так долго, что я решила, он не ответит.

Потом сказал:

– Умереть вовремя.

Слуги подошли ко мне с двух сторон. Не взяли под руки. Просто ждали, пока я пойду.

Я пошла.

На пороге тронного зала оглянулась.

Кощей стоял у чёрного трона. Один. Синий огонь рисовал на его лице свет, похожий на воду подо льдом. В руке он держал что-то маленькое.

Не сразу я поняла, что это выпавшая из моих волос серебряная нить.

Он намотал её на палец.

И посмотрел на меня так, будто выбор уже был сделан задолго до того, как я вошла в его замок.

Когда двери закрылись, одна из теней у стены склонилась к моему уху.

Голос был старый, женский, полный сухого смеха.

– Он давно так не смотрел.

Я повернула голову.

Тени уже не было.

Только лёд.

И моё отражение в нём: растрёпанные волосы, белое лицо, шпилька в руке.

Убийца, которую оставили живой.

Пока.

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ПРОМАХ

Северные покои оказались не темницей.

Первое оскорбление.

Темницу я могла понять. Камень, цепи, стража, сырая солома, миска воды, дверь с засовом. Всё честно. Всё на своих местах. Пленница знает, что она пленница. Враг знает, что он враг.

А здесь меня ждала комната с высоким потолком, серебряными лампами и широким ложем, на котором хватило бы места для трёх человек, если бы эти трое очень хотели лгать о случайности прикосновений. На полу лежали меха. В камине горел белый огонь. У окна стоял столик с горячей водой, мазями, гребнями и тонким ножом для срезания ниток.

Я взяла нож первой.

Служанка в сером платье не попыталась остановить.

– Острый? – спросила я.

– Достаточно, чтобы испортить платье, госпожа. Недостаточно, чтобы испортить государю настроение.

Она говорила ровно. Без насмешки. От этого слова били точнее.

– Как тебя зовут?

– Лисавка.

Я посмотрела на неё внимательнее.

Рыжие волосы. Узкое лицо. Зрачки вытянуты вертикаль-

но, как у кошки или лисы. На шее – тонкий ошейник из белых косточек. Не рабский. Скорее осторожный. Или предупреждающий.

– Ты человек?

– По праздникам.

– Сегодня праздник?

– Для кого как.

Она подошла к шкафу и раскрыла створки. Внутри висели платья. Много. Чересчур много. Чёрные, белые, серые, тёмно-синие. Ни одного с удобными рукавами. Ни одного, в котором можно бегать. Ни одного, где легко спрятать два клинка, удавку и склянку.

– Это всё для меня?

– Для фавориток.

Я коснулась ближайшей ткани. Холодный шёлк. Тонкий, как вода.

– Их было много?

Лисавка достала платье цвета ночного льда.

– Достаточно, чтобы шкаф не пустовал.

– Они умерли?

– Все умирают.

– Ты отвечаешь как старая ведьма.

– Я старая ведьма и есть. Только выгляжу хорошо.

Я не хотела улыбаться.

Почти получилось.

Лисавка заметила и тоже едва улыбнулась. Клыки у неё

были острые, совсем не служаночки.

Она помогла мне снять дорожное платье. Я позволила.

Не из доверия.

После дороги спина занемела, пальцы плохо слушались от холода. Убийца без сил – просто девушка в чужой комнате.

Вода в тазу была горячей. Я опустила руки и едва не застонала, когда боль ожила в пальцах. Лисавка делала вид, что не слышит. Умная нечисть.

– Остальные девушки? – спросила я.

– В южном крыле.

– Живы?

– Пока да.

– Что значит пока?

– То же, что всегда. Пока стена стоит. Пока Мор не лезет. Пока кто-то не открывает дверь, которую лучше не трогать.

Я подняла глаза.

– Какую дверь?

Лисавка взяла гребень.

– Волосы.

– Сначала дверь.

– Сначала волосы. Если государь увидит этот вороний разгром, он решит, что я плохо служу.

– Тебе страшно его гнева?

Она провела гребнем по пряди. Осторожно. На удивление мягко.

– Нет. Мне страшно его молчания. Гнев у живых быстрый.

Молчание бессмертных копится веками.

Я запомнила.

Она собирала мои волосы заново. Я следила за её руками в зеркале, хотя зеркалом это назвать было трудно: пластина чёрного льда в серебряной раме. Отражение запаздывало на долю вдоха. Когда я поднимала руку, отражение поднимало позже. Когда моргала, оно ещё мгновение смотрело на меня открытыми глазами.

Я отвернулась.

– Не любишь зеркала? – спросила Лисавка.

– Не люблю, когда они думают дольше меня.

– Тогда тебе здесь будет тяжело.

Она закрепила волосы серебряной сеткой. Моя шпилька лежала на столе рядом. Чистая. Яд исчез. Бесполезная ко-
сточка.

Нет. Не бесполезная.

Острие осталось острым.

– Это платье не подходит, – сказала я, когда она подала мне тёмный шёлк.

– Государь велел.

– Государь выбрал плохо.

Лисавка прищурилась.

– Обычно те, кто так говорят, живут недолго.

– Обычно я не ношу платья, в которых нельзя поднять руку.

– А зачем тебе поднимать руку в спальне Кощея?

Я взяла платье.

– Молиться.

Лисавка тихо фыркнула.

Платье было хуже, чем казалось. Оно не открывало чересчур много. Так было бы проще. Оно открывало ровно столько, чтобы любой взгляд стал прикосновением: линию ключиц, запястья, шею, узкую полоску спины между лопатками. Ткань ложилась по телу без лишней складки.

Я посмотрела на себя в чёрный лёд.

Отражение улыбнулось раньше меня.

Я ударила ладонью по поверхности.

Лёд не треснул.

– Не советую ссориться с зеркалами, – сказала Лисавка.

– Они сплетничают.

– Пусть.

Я спрятала шпильку обратно в волосы, но уже иначе. Не как украшение. Как последнюю мысль перед смертью.

Лисавка заметила.

Конечно заметила.

– Если собираешься снова попробовать, бей не в сердце.

– Почему?

– Его там мало.

Я повернулась к ней.

– Ты хочешь мне помочь?

– Я хочу посмотреть, что будет.

– Это не одно и то же.

– Здесь почти всё не то, чем кажется.

В дверь постучали.

Один раз.

Лисавка сразу отступила. Её лицо изменилось. Не испуг. Дисциплина. Как у зверя, который услышал шаг охотника и вспомнил, что сам когда-то был добычей.

Дверь открылась.

Кощей вошёл без свиты.

На нём уже не было плаща. Только чёрная рубаша с высоким воротом, тёмные брюки, сапоги. На запястьях – широкие браслеты из матового серебра с рунами. Волосы оставались стянутыми, но несколько прядей выбились у виска. От этого он казался живее.

Хуже.

Лисавка поклонилась.

– Выйди, – сказал он.

Она вышла.

Дверь закрылась.

Я осталась стоять у окна. Между нами – стол, два кресла, огонь, шесть шагов и одна шпилька.

– Удобно? – спросил он.

– Как на жертвенном камне.

– На жертвенных камнях редко бывает горячая вода.

– Значит, вы заботливый палач.

Он снял один браслет и положил на стол. Серебро ударило о дерево глухо, как кость.

– Я не палач.

– Конечно. Палачи работают по чужим приказам.

Он поднял глаза.

– Осторожнее, Мирослава.

– Зачем? Вы же хотите, чтобы я пыталась.

– Пыталась убить. Не утомить.

Я сжала пальцы.

Он заметил.

Он замечал всё. Расстояние. Дыхание. Взгляд. То, как я держу плечи. То, как не смотрю на его горло невыносимо долго.

Он подошёл к столу и начал снимать кольца. Одно за другим. Чёрный камень. Белая кость. Серебро с трещиной. Каждое кольцо ложилось на дерево со звуком маленького приговора.

Я считала.

Семь колец.

Два браслета.

Нож у пояса.

Тонкая цепь на шее.

Ещё один клинок в правом сапоге, если судить по тому, как он ставил ногу. Или это была ложь для тех, кто судит по ногам. С ним следовало считать и ложь.

– Ты всегда так смотришь? – спросил он.

– Как?

– Будто разбираешь человека на места, куда можно уда-

ритель.

– Людей – нет.

Он снял нож и положил рядом с кольцами.

– А меня?

– Вас да.

– И что видишь?

Горло. Подреберье. Внутреннюю сторону бедра, если удастся подойти достаточно близко. Глаз, если жертвовать собственной рукой. Руну за ухом – она темнела сильнее остальных. Возможно, важная. Возможно, приманка.

– Чересчур много украшений, – сказала я.

Он посмотрел на стол.

– Доспехи бывают разными.

– Боишься?

– Всегда.

Ложь.

Нет.

Не ложь. Я увидела это безнадёжно поздно. Слово было настоящим. Не всё целиком, но сердцевина в нём была живая.

Кощей повернулся к камину. Белый огонь стал ниже.

– Ты должна поесть.

– Не голодна.

– Ты не ела с рассвета.

– Следил?

– Считал ошибки твоих сопровождающих.

– И что теперь? Накормишь меня, чтобы убить сытой?

Он взял с подноса серебряную тарелку. Я не слышала, когда её принесли. На ней лежал хлеб, сыр, тонкие ломти мяса, яблоко, разрезанное на четыре части. Слишком обычная еда для ледяного замка.

– Чтобы ты не упала в обморок посреди попытки, – сказал он. – Это будет неловко для нас обоих.

– Переживёте.

– Я – да.

Он поставил тарелку на край стола и отступил.

Не заставил. Не поднёс к губам. Не сделал ни одного движения, которого я могла бы ждать от хозяина, купившего себе девушку.

Это злило.

Я взяла кусок хлеба. Откусила. Прожевала, не чувствуя вкуса.

Он смотрел.

– Что? – спросила я.

– Ты ешь так, будто еда тоже враг.

– В этом замке у меня мало друзей.

– Уже считаешь?

– Всегда.

– Назови одного.

– Лисавка.

– Она продала бы твой секрет за тёплую курицу.

– Значит, у нас с ней много общего. Я бы тоже продала

чужой секрет за тёплую курицу.

На этот раз он действительно улыбнулся.

Не широко. Не мягко.

На мгновение чудовище из сказок исчезло. Передо мной остался мужчина, который давно не слышал обычной дерзости за ужином.

Это пугало сильнее рун.

Я положила хлеб обратно.

– Не делайте так.

– Как?

– Не становитесь похожим на человека.

Улыбка ушла.

– Позднее предупреждение.

Он подошёл к окну.

За стеклом не было ночи. Там висел белый туман, плотный, как занавесь. Иногда в нём проходили тени: волчья спина, птичье крыло, тонкая рука с длинными пальцами. Замок жил и за своими стенами.

Кощей стоял ко мне спиной.

Ни один умный враг так не делает.

Значит, он или не считал меня угрозой, или хотел, чтобы я решила именно так.

Я коснулась шпильки.

Один вдох.

Второй.

Третий.

Он сказал:

– Не сейчас.

Я замерла.

– Почему?

– Ты стоишь далеко. Сделаешь три шага – я услышу. Два – не достанешь. Один – поймёшь, что опоздала.

– Вы самоуверенны.

– Я точен.

– Точность ломается.

– Проверь.

Он всё ещё не оборачивался.

Я выдернула шпильку.

Тело решило раньше мысли. Шаг. Ещё. Поворот плеча. Удар снизу, не в сердце, как сказала Лисавка. В шею. Там, где руна за ухом пряталась под волосами.

Он развернулся.

Не быстро.

Нет.

Быстрота хотя бы дала бы мне утешение: не успела. Он двигался иначе, будто время вокруг него было густым, а вокруг меня – жидким. Его рука поднялась, пальцы сомкнулись на моём запястье за один миг до касания.

Острие остановилось у его кожи.

Так близко, что я увидела, как руна под ухом дрогнула.

Его пальцы были холодными.

Не ледяными. Лёд мёртв. Этот холод жил, давил на кожу,

проникал глубже, в суставы, в кости.

Я ударила второй рукой.

Он поймал и её.

Теперь мы стояли лицом к лицу. Мои руки в его руках. Шпилька между нами. Его глаза – опасно близко. Я впервые увидела в них сталь и тёмную глубину, похожую на воду под тонким льдом.

– Лучше, – сказал он.

Я попыталась ударить коленом.

Он шагнул ближе.

Движение было небольшим. Последствия – огромными. Моё колено упёрлось в его бедро, потеряло силу. Я оказалась прижата к краю стола. За спиной – дерево. Передо мной – он.

Кольца на столе звякнули.

Шпилька выпала из моих пальцев.

Я дёрнулась за ней.

Он перехватил мою талию.

Не сжал. Не сделал больно. Просто удержал.

Моё тело это заметило.

Предательское, живое, глупое тело.

От холода его ладони дыхание оборвалось где-то под рёбрами. Я почувствовала не один страх. Что-то хуже, потому что в нём не было чистоты. Злость. Жар. Стыд. Желание вырваться. Желание понять, что будет, если не вырваться один лишний вдох.

Я ударила его лбом в подбородок.

Получилось плохо.

Он даже не отступил. Только чуть повернул голову.

– Упрямая.

– Живая.

– Пока.

– Угроза?

– Факт.

Он поднял шпильку со стола, не отпуская меня. Острие оказалось у моего горла. Не коснулось. Замерло у кожи.

– Вот так держат смерть, Мирослава. Без злости. Злость шумит.

Я плюнула ему в лицо.

Тишина.

Плевков попал на скулу, скользнул к углу губ.

Я ждала удара.

Он медленно закрыл глаза.

Открыл.

И рассмеялся.

Тихо. Один раз. Почти беззвучно.

Это было так неожиданно, что я перестала тянуться к себе.

Он отпустил мою талию. Потом руки. Потом положил шпильку мне на ладонь и загнул мои пальцы вокруг неё.

Каждый палец отдельно.

Медленно.

Как будто учил держать не оружие, а выбор.

– Почему не убили? – спросила я.

Голос вышел хриплым.

– За плевок?

– За попытку.

– Если бы я убивал всех, кто хочет моей смерти, замок стоял бы пустым. А я не люблю пустые залы.

– Ложь.

– Да.

Он не отошёл.

Я тоже.

Это была глупость. Мне надо было отступить, поднять нож, кричать, звать кого угодно, делать что угодно, лишь бы разорвать тонкую нить между его рукой, моей ладонью и иголкой, которую он вернул.

Вместо этого я спросила:

– Тогда почему?

Он посмотрел на мой рот.

Не долго.

На секунду дольше, чем следовало.

Потом снова в глаза.

– Потому что ты ещё не знаешь, кого пришла убивать.

– Я знаю достаточно.

– Нет. Ты знаешь сказку, написанную людьми, которым выгодно, чтобы ты умерла вместо них.

Мне стало легче вернуться к злости.

– И, конечно, правду знаете только вы.

– Нет. Правду знают мёртвые. Но они плохо говорят.

За окном что-то ударилось в стекло.

Я вздрогнула.

Кощей нет.

На стекле распласталась чёрная птица. Не ворон. Слишком длинный клюв, слишком человеческие пальцы на концах крыльев. Она скреблась, оставляя на стекле белые царапины.

Кощей повернул голову.

Птица замерла.

Он произнёс слово на языке, от которого у меня заболели зубы.

Птица вспыхнула синим пламенем и исчезла.

Запахло палёными перьями.

Я смотрела на стекло.

– Что это было?

– Голод.

– У голода есть крылья?

– У этого – да.

Он отошёл наконец. Воздух между нами вернулся, но не стал прежним. Я всё ещё чувствовала холод его ладони на талии, хотя ткани там было достаточно. Чересчур много. Недостаточно.

Он взял кольца со стола и начал надевать обратно.

– Завтра ты покинешь эти покои.

– Щедро.

– Под присмотром.

– Не сомневалась.

– Будешь жить в северном крыле. Есть в моём зале. Ходить по замку, куда позволено. В южное крыло – с Лисавкой. В нижние чертоги – никогда.

– Там лежит правда?

– Там лежит то, что ест правду первым.

– Вы всё говорите так, будто мне должно стать страшно.

Он застегнул браслет.

Руны на его запястье погасли.

– Мне не нужно, чтобы ты боялась, Мирослава.

– А что нужно?

Он подошёл к двери.

У самого порога остановился.

– Чтобы в следующий раз ты била левой рукой.

Дверь открылась.

В коридоре стояла Лисавка с видом существа, которое слушало всё и не собиралось краснеть из-за приличий.

Кощей вышел.

Перед тем как дверь закрылась, он сказал:

– И не целься в сердце. Я к нему привык.

Щёлкнул замок.

Я осталась одна.

Шпилька лежала в моей ладони.

Чистая. Сухая. Острая.

Я должна была думать о провале. О новом плане. О том,

как найти другой яд, другой путь, другую слабость.

Но я стояла у стола, сжимала бесполезную костяную иглу и чувствовала на талии место, где его рука удержала меня от падения.

Не от удара.

От падения.

От этого становилось труднее дышать.

Я подошла к окну. На стекле осталась одна царапина от мёртвой птицы. Она напоминала тонкую линию на ладони.

За окном белый туман шевелился.

И из него, очень далеко, будто через слой воды, донёсся детский голос:

– Мира...

Я прижалась к стеклу.

– Ладан?

Туман замер.

Потом тихо, тихо, ответил:

– Найди дверь.

Я ударила ладонью по стеклу.

– Ладан!

Ничего.

Только холод.

Только моё отражение.

И в нём, за моим плечом, на долю вдоха – лицо мальчика подо льдом.

Я обернулась.

Комната была пуста.

Но шпилька в моей руке снова стала тёплой.

ГЛАВА 4. ПРАВИЛА ИГРЫ

Утром дверь открылась сама.

Второе оскорбление.

Я не спала.

Сидела в кресле у камина, закутавшись в мех, который пах снегом и дымом, и смотрела, как белый огонь ест поленья без треска.

На столе лежали нож для ниток, шпилька, серебряная ложка, три булавки из подола платья и тонкая косточка из воротника меха.

Всё, чем можно убить человека, если он окажется очень терпеливым и очень глупым.

Кощей не был ни тем ни другим.

Дверь щёлкнула на рассвете. Я подняла нож.

На пороге стояла Лисавка с подносом.

– Если ударишь, завтрак прольётся, – сказала она. – А каша ни в чём не виновата.

– Спорное утверждение.

Она вошла, толкнув дверь бедром.

На подносе были каша с мёдом, горячий травяной взвар, хлеб и маленькая миска с солью. Соль была чёрная.

– Это что?

– Соль.

– Я вижу.

– Тогда зачем спрашиваешь?

– Почему чёрная?

Лисавка поставила поднос на стол и подняла миску к свету.

– Потому что белую здесь едят мёртвые.

Я отодвинула миску.

– Я не мертва.

– Вот потому тебе и чёрная.

Она говорила так уверенно, что спорить с кашей стало унижительно. Я взяла ложку. Серебро в пальцах было холодным. Каша пахла орехами и дымом.

Лисавка смотрела на нож в моей руке.

– Не спала?

– Спала стоя, с открытыми глазами.

– Удобно?

– Привыкаю к местным обычаям.

Она поджала губы. Снова едва улыбка. У этой нечисти была отвратительная привычка нравиться мне против моей воли.

– Государь велел проводить тебя после завтрака.

– Куда?

– К себе.

Ложка остановилась.

– Зачем?

– Если бы он хотел, чтобы я знала, сказал бы. Если бы хотел, чтобы ты знала, пришёл бы сам. Значит, хочет посмот-

реть, как ты будешь злиться по дороге.

– Он просчитался. Я не буду злиться.

Лисавка посмотрела на нож, на булавки, на косточку.

– Конечно.

Я поела.

Не потому, что он велел. Потому что после ночи без сна руки дрожали, а гордость плохо держит клинок, когда тело голодно. Каша оказалась хорошей. Это тоже злило.

Лисавка принесла другое платье. Тёмно-зелёное, плотнее вчерашнего, с длинными рукавами и высоким поясом. В нём можно было спрятать нож. Маленький. Плоский. Если очень постараться.

– Он разрешил?

– Он выбрал.

– Заботливо.

– Практично. Если ты будешь всё время думать о голых плечах, ты хуже слушаешь.

Я замерла.

Лисавка стянула ленту на моей спине.

– Не я сказала.

– Он?

– Он умеет замечать неудобные вещи.

Я смотрела в чёрное ледяное зеркало. Отражение снова запаздывало. На шее виднелся слабый след от моей же шпильки – там, где Кощей остановил острие. Не рана. Память кожи.

Я закрыла ворот выше.

Лисавка вплела шпильку в волосы. На этот раз не стала делать вид, что не знает, зачем она там.

– Яд нужен новый, – сказала она.

Я повернула голову.

– У тебя есть?

– У меня есть здравый смысл. Это сильнее яда, но реже используется.

– Не морочь.

– В замке есть аптекарская. Есть кладовая костяной пыли. Есть старая башня, где сушат травы, которые лучше не трогать голыми руками. Есть кухня Старухи Соли. Там можно найти всё, если готова потерять палец.

– Почему ты мне говоришь?

Лисавка закрепила последнюю прядь.

– Потому что он велел показать тебе замок.

– Он велел показать мне места, где можно взять яд?

– Он сказал: «Пусть видит достаточно, чтобы не скучать».

Я поняла широко.

– Ты не боишься наказания?

– Боюсь. Но скучающая фаворитка страшнее наказания.

Слово снова резануло.

Фаворитка.

Не пленница. Не гостья. Не убийца.

Чужое слово, положенное на моё тело без спроса.

– Не называй меня так.

– Как?

– Фавориткой.

Лисавка посмотрела на меня в зеркале.

– Тогда перестань вести себя так, будто это слово уже укусило.

Я встала.

– Веди.

Коридоры северного крыла отличались от тех, по которым меня вели вчера. Здесь стены были не прозрачные, а матовые, с вмерзшими в них травами, монетами, костями, маленькими письмами, свёрнутыми в трубочки. В каждом письме, наверное, была просьба. Или проклятие. Иногда это одно и то же.

На повороте стоял страж без лица. Под шлемом не было головы. Только серый дым.

Я остановилась.

Страж повернул пустой шлем ко мне.

– Не пугайся, – сказала Лисавка. – Это Сом.

– Он мёртв?

– По настроению.

– У него нет головы.

– Зато он хорошо слушает.

Сом поднял руку втяжёлой перчатке и указал на мою шпильку.

Я коснулась волос.

– Что?

Лисавка перевела:

– Говорит, держишь плохо. Выпадет.

– Он это сказал?

– Он молчал осуждающе.

Страж опустил руку.

Мы пошли дальше. Лестница вывела нас к галерее, откуда был виден внутренний двор. Девочка с чёрными глазами снова сидела у колодца. Теперь она кормила белого волка чем-то из ладони.

Волк был размером с пони.

Его пасть раскрывалась слишком широко.

– Кто она?

– Неждана.

– Человек?

– Когда родилась – была.

– А теперь?

Лисавка пожала плечом.

– Здесь никто не остаётся тем, кем вошёл.

Я не стала спрашивать, кем стану сама.

Некоторые вопросы лучше не открывать.

У дверей в западную башню нас ждал Воронец.

Я поняла, что это он, потому что он был похож на человека, которого нарисовали углём и забыли раскрасить. Чёрные волосы, чёрная одежда, чёрные глаза без блеска. Кожа серая. В руках – связка ключей, но все ключи были без зубцов.

– Княжна, – сказал он.

Голос у него был сухим, как крыло мёртвой птицы.

– Я не княжна.

– Здесь титулы решает не кровь.

– А что?

– То, кто за вами охотится.

Лисавка фыркнула.

– Воронец любит быть мрачным до обеда. Не обращай внимания.

Он не посмотрел на неё.

– Государь ждёт.

– Где?

Воронец указал на лестницу вниз.

Лисавка остановилась.

– Мне туда нельзя.

– Почему?

– Потому что я слишком умная.

Воронец протянул мне руку.

Я не взяла.

Он не обиделся. Просто повернулся и пошёл первым.

Лестница вниз была узкой. Стены покрывали те же знаки иглы и круга. Чем ниже мы спускались, тем теплее становился воздух. Неправильно. В ледяном замке подземелья должны быть холоднее. Здесь же пахло воском, старой бумагой и железом.

Воронец остановился перед дверью из тёмного дерева.

Дерева.

Живого когда-то. Дорогого. В этом месте оно выглядело страннее золота.

– Входи, – сказал он.

– А ты?

– Я не люблю, когда меня разбирают на пепел.

Дверь открылась.

За ней был кабинет.

Большой. Тихий. С полками от пола до потолка, картами на стенах, письменным столом у камина и окном, за которым не было двора. Там лежала равнина, белая до края мира. На равнине, под слоем льда, темнели крыши.

Я сделала шаг.

Дверь закрылась за спиной.

Кощей стоял у карты.

Сегодня он был в сером. Это не смягчало его. Серый на нём выглядел как пепел после пожара, который никто не видел, но все ещё чувствовали запах.

– Выспалась? – спросил он.

– Превосходно. Ваш замок кричал только дважды, стекло показывало мёртвого мальчика, а дверь открылась без моего разрешения. Почти как дома.

Он повернулся.

– Мёртвого мальчика?

Я прикусила язык.

Поздно.

Его взгляд стал резче.

– Где?

– В окне.

– Что он сказал?

– Ничего.

– Мирослава.

Мне не понравилось, как он произнёс имя. Не властно. Тревожно.

– Он сказал найти дверь.

Кощей молчал.

Потом подошёл к столу и коснулся маленького колокольчика. Звука не было, но за дверью что-то шевельнулось.

– Удвоить стражу у нижних проходов, – сказал он в пустоту. – Неждану убрать от колодца до заката. Соль пусть проверит все зеркала северного крыла.

За дверью сухо щёлкнуло.

Я стояла посреди кабинета и чувствовала, как злость уступает место чему-то более неприятному.

– Это был мой брат?

– Нет.

Ответ слишком быстрый.

– Вы даже не спросили, как он выглядит.

– Мор часто говорит голосами тех, кого нам больше слышать.

– Мор?

– То, что ждёт за льдом.

– За вашим льдом.

Его взгляд вернулся ко мне.

– Да.

Я подошла к окну. Равнина под ним была не равниной. Это был город. Мой город.

Волотск.

Я узнала башню собора. Кривую крышу старого амбара у восточной стены. Княжеский двор, где весной пахло мокрой корой и конским потом. Всё лежало подо льдом, словно кто-то накрыл жизнь стеклянной ладонью.

У меня перехватило горло.

– Это настоящее?

– Да.

– Где мы?

– Над тем, что осталось в памяти.

– Не говорите загадками.

– Это не окно. Это рана в пространстве. Через неё можно смотреть на то, что я не могу оставить без присмотра.

Я коснулась стекла.

Оно было тёплым.

Внизу, подо льдом, крошечная фигурка стояла на площади. Не двигалась. Просто стояла, подняв лицо вверх.

Слишком далеко, чтобы узнать.

Достаточно близко, чтобы сердце сделало глупое.

– Отец? – прошептала я.

Кощей оказался рядом.

– Не трогай стекло.

Я отдёрнула руку.

На кончиках пальцев выступил иней.

– Что вы с ними сделали?

– Остановил.

– Убили.

– Если бы убил, тебе было бы легче?

Я развернулась к нему.

– Не смейте.

– Тогда спрашивай точнее.

– Они живы?

– Да.

Слово ударило сильнее, чем пощёчина.

Я не поверила.

Не позволила себе.

– Ложь.

– Нет.

– Тогда разбудите их.

– Нельзя.

– Потому что вам выгодно держать город во льду?

– Потому что половина проснётся с Мором в крови, а вторая половина умрёт от первой.

Я схватила со стола нож для бумаги и приставила к его горлу.

Всё произошло быстрее мысли.

Он позволил.

Лезвие коснулось кожи. Не разрезало, но я видела, как под

бледной поверхностью дрогнула руна. Его глаза не изменились. Он даже не поднял рук.

– Объясняйте, – сказала я.

– Наконец-то точный приказ.

– Я не шучу.

– И я.

Я надавила. Появилась тонкая тёмная линия.

Он не моргнул.

– Семь лет назад Волотск открыл южные ворота купцам из Светлых земель, – сказал он. – Вместе с тканями они привезли икону мёртвого бога. Никто не знал, что это. Три дня спустя дети начали говорить во сне на языке, которого не знали. Через неделю скот шёл к реке и топился. Через две княжеский совет решил скрыть первые смерти, чтобы не остановить торг.

– Нет.

– Это удобный ответ. Но не полезный.

Я надавила сильнее. На его коже проступила ещё одна тёмная капля.

– Откуда вы знаете?

– Видел первые тела.

– Волотск не пустил бы вас.

– Волотск впустил то, что выглядело священным. После этого впустить чудовище было уже не самым худшим решением.

Я ударила его.

Не ножом. Ладонью.

Звук вышел резким. Обычным. Человеческим.

Кощей принял удар без движения.

– Не смейте говорить о моём доме так, будто он сам виноват.

– Дома редко виноваты. Люди внутри – чаще.

Я ударила снова.

На этот раз он поймал мою руку. Не сжал. Просто удержал.

– Через месяц пришло письмо с печатью твоего отца, – сказал он. – В нём просили закрыть город.

– С печатью?

– Да.

– Не с рукой.

Впервые он не ответил сразу.

Вот.

Маленькая щель в его ледяной правде.

– Я не видел, как он писал, – сказал Кощей. – Я видел только кровь на воске, след его перстня и людей, которые стояли за его спиной, пока он выбирал.

– Значит, вы не знаете.

– Знаю достаточно, чтобы не назвать это простой ложью.

– Покажите.

Он отпустил меня.

Подошёл к шкафу, открыл нижний ящик и достал железную шкатулку. На крышке был вырезан знак нашего дома:

сокол с переломанной стрелой в когтях.

Колени стали пустыми.

Я знала эту шкатулку.

Отец хранил в ней письма матери.

Кощей поставил её на стол, но не отодвинул ко мне.

– Откройте, – сказала я.

– Нет.

– Вы боитесь, что я увижу правду?

– Я боюсь, что ты увидишь половину и примешь её за целое. Это опаснее лжи.

– Удобно.

– Да.

Он вынул не письмо, а обгоревший обрывок. Края почернели, середина вздулась от старой влаги. На нём осталось всего несколько строк.

Почерк был похож на отцовский.

Похож.

Недостаточно.

«...если не успею вывести детей...»

Дальше дыра от огня.

«...закрой...»

Ещё провал.

«...дочь далеко. Пусть далеко и остаётся...»

Я перестала видеть строку.

Не от слёз.

От злости.

– Это мог написать кто угодно.

– Да.

Честность оказалась хуже защиты.

– Тогда зачем показываете?

– Чтобы ты поняла: тебе дали сказку без рваных краёв. В настоящей истории края всегда обожжены.

Я сжала нож для бумаги так крепко, что пальцы заболели.

– Почему меня вывезли?

– Тебя не вывезли. Ты была при дворе заложницей после пограничного спора. Радомир не смог забрать тебя до закрытия.

– Он мог написать.

– Письма перехватывали.

– Кто?

– Те, кто потом отправил тебя сюда.

Княжеский совет.

Люди в тёплых залах. Люди, которые говорили мне о долге. Которые клали передо мной карту замка, рассказывали о чудовище, учили, куда втыкать иглу.

Но теперь в этой истории появилась ещё одна щель.

Письмо могло быть отца.

Могло быть подделкой.

Кощей мог быть тюремщиком.

Или человеком, который выбрал лёд, потому что всё остальное уже горело.

– До Волоотска был Озёрный Посад, – сказал он вдруг.

Я подняла глаза.

– Что?

– Малый город у северной воды. Тридцать два дома. Две пристани. Хорошие сапожники. Мор вошёл через детскую игрушку, привезённую с юга. Я поверил, что смогу вывести здоровых до льда.

Он смотрел не на меня.

На закрытую шкатулку.

– Вывели?

– Семерых. А вместе с ними – одну девочку, которая уже слышала дверь, но молчала, потому что боялась оставить мать. Через три дня она открыла рот в монастырской спальне. Проснулись все мёртвые под кладбищем.

Я молчала.

– Я закрыл Посад целиком. Поздно. После этого не вывожу тех, кого не могу проверить до последней трещины.

– Сколько погибло?

– Достаточно, чтобы твой нож оставался у моего горла.

Вот оно.

Не оправдание.

Вина.

Живая, тёмная, старая.

Он не был чудовищем из сказки.

Это не делало его невиновным.

Я посмотрела на Кощея.

– Почему вы мне это показываете?

– Потому что ты всё равно нашла бы.

– Не поэтому.

Ответа не последовало.

Я взяла нож для бумаги со стола. На нём осталась тонкая линия его крови. Чёрная. Густая. Она не стекала.

– Вы хотите, чтобы я перестала пытаться.

– Нет.

– Нет?

– Ненависть будет держать тебя на ногах ещё несколько дней. Не выбрасывай её опасно рано.

– Вы чудовище.

– Да.

– Но не то, о котором мне сказали.

– Это уже ближе к правде.

Я рассмеялась.

Звук вышел плохим. Ломаным.

– И что теперь? Я должна упасть на колени и благодарить вас за то, что вы заморозили мой дом?

– Нет.

– Тогда что?

Он подошёл к столу. Между нами лежали обрывок отцовского почерка, нож, шкатулка и семь лет лжи.

– Правила, – сказал он.

– Какие ещё правила?

– Ты остаёшься в замке. Как моя фаворитка.

Я вскинула голову.

– Нет.

– Слушай до конца.

– Я уже слышала достаточно.

– Нет. Ты слышала слово, которое больше остальных, и решила, что можно не слушать смысл. Это детская привычка.

Я снова хотела ударить его.

Он видел.

– Ты будешь жить под моей защитой. Остальные девушки тоже. Никто из них не станет платой за чужой страх. Ты получишь доступ к замку, к людям, к ответам. Ты можешь попытаться убить меня, когда захочешь.

Я замерла.

– Что?

– Я сказал ясно.

– Вы сошли с ума.

– Давно. Это не мешает мне быть последовательным.

– И в чём подвох?

– Если я поймаю тебя на попытке, ты проведёшь ночь в моих покоях.

Кровь бросилась в лицо так резко, что я едва не задохнулась.

– Как пленница?

Его взгляд стал холоднее.

– Нет.

– Как игрушка?

– Нет.

– Тогда как кто?

Он подошёл на один шаг.

– Как женщина, которая сама решила играть с чудовищем и не может делать вид, что цена её не касается.

Я подняла нож.

– Я скорее перережу себе горло.

Он посмотрел на лезвие.

Потом достал из-за пояса другой нож. Настоящий. Боевой. Острый так, что край почти исчезал в свете.

Он положил его на стол рукоятью ко мне.

– Тогда бери.

Тишина.

Мой взгляд упал на нож.

Он не двигался.

Я тоже.

Белый огонь в камине не трещал. Где-то за стеной прошёл страж без головы. Внизу, под тёплым стеклом, спал мой город. На столе лежала закрытая шкатулка отца, и от неё было большее, чем от любого открытого письма.

Я не взяла нож.

Кощей не улыбнулся. Не сказал ни слова. Милосердие это было или жестокость – я не знала. Я уже не умела отличать.

– Ночь в ваших покоях, – повторила я. – Подозрительно удобно сказано.

Он подошёл к двери и открыл её шире.

Коридор за ней был пуст.

– Вот дверь, – сказал он. – Запомни, где она.

– Красивый жест.

– Ненавижу жесты.

– Тогда что это?

– Условие, которое видно глазами. Если в моих покоях ты скажешь «не касайся», я не коснусь. Если скажешь «уйди», уйду. Если скажешь «молчи», постараюсь не умереть от трудности. Но если промахнёшься, я не позволю тебе спрятаться за дверью раньше, чем ты услышишь то, от чего промахнулась.

– То есть тело не цена.

Он посмотрел на меня так, будто я ударила точнее ножом.

– Тело не берут ценой. Его либо дают, либо нет.

– А если я решу убить вас во сне?

– Тогда я плохо выбрал спальню.

– Вы делаете из угрозы шутку.

– Нет. Я оставляю ей зубы, но убираю грязь.

Я посмотрела на открытую дверь.

Это было хуже длинных клятв.

Клятвам можно не верить.

Двери либо открыты, либо нет.

Легче было бы, если бы он оказался грязнее. Проще. Ближе к сказке, где чудовище всегда хочет одного, а девушка всегда страдает правильно.

– Почему сразу не сказали? – спросила я.

– Потому что я жесток.

Честность снова ударила.

– И потому что хотел посмотреть, что ты сделаешь с самым грязным смыслом, который сама вложила в мои слова.

– И что я сделала?

Он посмотрел на нож, который я не взяла.

– Потребовала уточнить.

Я усмехнулась.

– Разочарованы?

– Нет. Опасно доволен.

– Это хуже.

– Да.

– Но хотите, чтобы я отдала.

– Да.

Честность снова ударила.

– Почему?

Он смотрел на меня долго.

– Потому что ты пришла убить меня и не отвела глаз. Потому что, когда Весну увели, ты первой заметила, что я не чудовище в той сказке, которую тебе дали. Потому что твоя рука дрожала только один раз – когда ты увидела город. Не когда увидела меня.

– Это не причина.

– Для живых – нет.

– А для вас?

– Для меня причины давно стали роскошью.

Я отошла к окну.

Волотск лежал внизу, неподвижный, светлый, страшно красивый в своей остановленной смерти. Где-то там Ладан. Отец. Люди, которых я должна была спасти. Или убить, если Кощей прав.

Если.

Это слово было иглой под ногтем.

– Я не ваша, – сказала я.

– И всё же ты здесь.

– Не буду.

– Посмотрим.

– Я вас убью.

– Вероятно.

Я обернулась.

Он стоял у стола и выглядел так, будто это не угроза, а пункт договора.

– Вы правда не боитесь?

– Боюсь.

– Чего?

– Что ты промахнёшься, когда понадобится попасть.

Я не поняла.

И ненавидела его за то, что это стало привычным.

Он закрыл шкатулку с письмами.

– Сегодня Лисавка покажет тебе южное крыло. Завтра – верхние галереи. Нижние проходы закрыты.

– Потому что там дверь?

– Потому что ты ещё жива.

– Это связанные вещи?

– Слишком.

Он подошёл к двери.

Я остановила его:

– Кощей.

Он замер.

Первый раз я назвала его не титулом. Не чудовищем.

И имя оказалось странным во рту. Тяжёлым. Старым. Как ключ.

– Что такое Мор?

Он не повернулся сразу.

– Голод мёртвых богов, – сказал он наконец. – И самая ласковая ложь, которую ты когда-либо услышишь.

– Почему ласковая?

Он открыл дверь.

– Потому что она всегда говорит голосом тех, кого ты любишь.

Он ушёл.

Я осталась с письмами, ножами, городом под стеклом и правилами, которые были хуже цепей.

Цепи можно сломать.

С выбором труднее.

Когда Лисавка вернулась, я всё ещё стояла у окна.

– Жива? – спросила она.

– К сожалению для некоторых.

– Хорошо. Южное крыло любит живых. Они там шумнее.

Я взяла со стола нож Кощея.

Лисавка подняла бровь.

– Он разрешил?

– Он оставил.

– Это не одно и то же.

– Здесь почти всё не то, чем кажется.

Она хмыкнула.

Я спрятала нож под пояс.

И пошла смотреть, какие ещё живые души держит ледяной замок чудовища, которое, возможно, спасло мой дом.

Или просто научилось лгать красивее всех.

ГЛАВА 5. ЮЖНОЕ КРЫЛО

Южное крыло пахло хлебом.

Я остановилась на пороге и подумала, что это ловушка.

Не ножи в стенах. Не ядовитый дым. Не заклятие, которое вывернет память наизнанку. Просто запах свежего хлеба, тёплый, плотный, наглый. В ледяном замке Кощея он звучал как непристойность.

Лисавка заметила моё лицо.

– Что?

– Здесь пекут.

– Ужасно, да? Мы иногда ещё дышим, спим и ругаемся из-за соли. Не говори никому, а то легенда испортится.

За аркой начинался другой замок.

Не тот, по которому меня вели вчера. Здесь ледяные стены были закрыты коврами, грубыми, пёстрыми, местами прожжёнными у нижнего края. На подоконниках стояли глиняные горшки с травами. Над дверями висели связки чеснока, сухих ягод, перьев, маленьких колокольчиков. Где-то смеялись.

Смеялись.

Я сжала рукоять ножа под поясом.

– Расслабь пальцы, – сказала Лисавка. – А то все поймут, что ты собираешься выжить.

– Разве это секрет?

– Здесь – нет. При дворе живых – обычно да.

Мы прошли по длинной галерее. Девушки, прибывшие со мной, сидели в общей комнате у огня. Не все. Весны не было. Милана была. Она держала кружку двумя руками и смотрела на пламя так, будто оно могло передумать и наброситься.

Дарья смеялась.

Я не сразу поняла, что звук исходит от неё. Вчера она плакала молча, с лицом, застывшим в ужасе. Сегодня на ней было простое шерстяное платье, волосы заплетены в две косы, на коленях лежала тарелка с пирогом.

Она увидела меня и смех оборвался.

Остальные тоже замолчали.

Вот она, настоящая власть Кощея: он выбрал меня, и теперь люди не знали, жалеть меня или бояться.

Милана вскочила первой. Кружка едва не выпала.

– Ты жива.

– Пока, – сказала я.

Не лучший ответ. Но правдивый.

Она шагнула ко мне, потом остановилась, будто невидимая нить дёрнула её назад.

– Он... он тебя...

– Нет.

Слово получилось жёстким. Слишком жёстким. Милана покраснела, опустила глаза.

Я вдохнула.

Медленно.

– Он меня не тронул против воли, – сказала я тише. – Если ты об этом.

В общей комнате кто-то выдохнул. Не одна девушка. Сразу несколько.

Лисавка прошла к столу и взяла пирог.

– Видите? Я говорила. Государь ест людей только по большим праздникам.

– Лисавка, – сказала женщина у печи.

Голос был такой, что даже огонь стал ниже.

Женщина повернулась к нам. Большая, широкоплечая, с седой косой толщиной с мою руку. На её фартуке были следы муки, крови и чего-то зелёного. Лицо круглое, доброе, если не смотреть в глаза. А в глаза лучше было не смотреть: там сидела зима, пережившая всех царей.

– Старуха Соль, – шепнула Лисавка.

– Сама скажу.

Старуха подошла ко мне и оглядела с головы до ног.

– Худая.

– Могу уйти и прийти толще.

– Язык острый. Это хорошо. У тупых языков мясо пресное.

Милана пискнула.

Старуха Соль фыркнула.

– Шучу я. Наполовину. Садись.

– Я не голодна.

– Все так говорят перед второй тарелкой.

Она поставила передо мной миску супа. Не спросила. Просто поставила, как ставят факт.

Я хотела отказаться.

Потом вспомнила дрожь в руках утром и села.

Суп был густой, с грибами, крупой и кусками мяса. Я не спросила, какого. В замке Кощея некоторые вопросы могли испортить аппетит навсегда.

Милана осторожно села рядом.

– Они сказали, мы можем остаться здесь, – прошептала она. – Или работать. Или учиться. Дарья хочет в швеи. Любава говорит, что уйдёт домой, как только дороги откроют.

– Дороги закрыты.

– Нам сказали, временно.

Лисавка кашлянула.

Старуха Соль резко посмотрела на неё.

Я отложила ложку.

– Как давно они закрыты?

Милана побледнела.

– Что?

– Дороги из замка. Как давно они закрыты?

Никто не ответил.

В углу тихо щёлкнули спицы. Там сидела женщина без лица, вязала длинный белый шарф. Вместо лица – гладкая кожа. И всё равно я знала, что она слушает.

Старуха Соль поставила на стол хлеб.

– Семь лет.

Милана медленно опустила кружку.

– Но... нас же привезли.

– Привезли по северному тракту, – сказала Лисавка. – Он открывается для дани. Для гонцов. Для тех, кого замок сам выпустит. Назад живыми по нему ходят редко.

– Почему? – спросила Дарья.

Старуха Соль посмотрела на неё так, что та сжала плечи.

– Потому что снаружи есть вещи, которые умеют притворяться дорогой.

Милана заплакала без звука.

Дарья побледнела так, что веснушки на носу стали резче.

– Тогда мы пленницы, – сказала она.

Старуха Соль бросила на стол полотенце.

– Нет. Пленниц держат, чтобы сломать. Вас держат, чтобы вы не умерли по дороге домой с чужим голосом в горле.

– Красиво звучит, – сказала я. – Почти как оправдание.

Старуха посмотрела на меня.

– А ты думала, дани придумал он?

Я замолчала.

Лисавка вдруг перестала грызть пирог.

– Дань старше нынешних князей, – сказала Старуха. – Когда Мор впервые пошёл по дорогам, люди начали отдавать Северу тех, кого боялись потерять и боялись оставить. Девушек с сильной кровью. Детей, слышащих мёртвых. Невест, которых уже отметили сны. Сначала это называли убежищем. Потом договором. Потом князя решили, что слово

«дань» звучит удобнее: если девушка не вернулась, виноват Кощей. Если выжила – княжество проявило покорность. Если умерла по дороге – северные дороги жестоки. Все чистые. Все плачут красиво.

Милана прижала ладони ко рту.

– Нас выбрали не за красоту?

– За красоту тоже, – сказала Лисавка. – Живые любят украшать плохие решения, чтобы они лучше смотрелись в процессии.

Старуха Соль ткнула пальцем в сторону двери.

– Каждую из вас проверяли до отправки. Не лекарь. Не жрица. Канцелярия. У кого сны повторяются. У кого в доме мёртвые говорят. У кого кровь после пореза чернеет. У кого жених внезапно утонул в сухом колодце. Красота – вывеска. Причина – страх.

Я вспомнила десять девушек в белом.

Тонкие запястья.

Косы.

Молчание.

И поняла: нас везли как цветы на жертвенник, потому что так людям легче не видеть клейма на лепестках.

– Кощей знает? – спросила я.

Старуха Соль усмехнулась.

– Он знает больше, чем говорит. И меньше, чем думает. У каждого свои пороки.

– Почему не прекратит?

– Чем? Приказом? Письмом? Угрозой? Он прекращал. Трижды. В первый год князя спрятали отмеченных в подвалах. Мор вышел через младенца. Во второй год сожгли пять девушек «для очищения». В третий год Светлый совет предложил забрать их к себе. Через месяц одна открыла колодезную дверь в монастыре. С тех пор государь принимает дани и делает вид, что это его жестокость. Так людям легче ненавидеть одного, чем признать, что они сами принесли детей к воротам.

Я сжала ложку так, что серебро согнулось.

– Значит, южное крыло – не клетка.

– Клетка, – сказала Старуха. – Просто снаружи зубы крупнее.

Утешением это не было.

В этом пряталась правда.

Я стиснула зубы.

Кощей не убил их. Он просто посадил в красивую клетку и назвал это милостью.

Или снаружи правда было хуже.

Я ненавидела это «или». Оно лезло в каждую мысль, как дым.

– Весна где? – спросила я.

– Спит, – ответила Старуха. – Ребёнок живой. Она тоже. Если никто не будет таскать её по лестницам и пугать разговорами о дорогах.

Эти слова слышали все.

Но смотрела она на меня.

Я доела суп.

Гордость гордостью, а умирать от голода при миске горячего – глупость.

После еды Лисавка повела меня дальше. Девушки провожали взглядами. Милана хотела что-то сказать, но не решилась. Я сама остановилась у двери.

– Если кто-то обидит вас, скажите мне.

Дарья подняла брови.

– Тебе?

– Да.

– А ты что сделаешь?

Хороший вопрос.

Я коснулась ножа под поясом.

– Начну с малого.

Лисавка хмыкнула.

Я уже собиралась выйти, когда Милана вдруг поднялась. Медленно. С чашкой в руках, будто это был щит.

– А если обидят тебя?

В комнате стало тихо. Даже Старуха Соль перестала громыхать крышкой у печи.

Я посмотрела на Милану. Вчера она боялась собственно-го дыхания. Сегодня всё ещё боялась, но стояла. Это было важнее храбрости.

– Тогда вы не полезете геройствовать, – сказала я. – Вы позовёте Лисавку. Старуху. Сому. Любого, кто сильнее вас и

не хочет видеть кровь на полу.

– А если они не успеют? – спросила Дарья.

Не насмешливо. Практично.

Я взяла со стола хлебный нож. Обычный. Короткий. С туповатым кончиком. Положила его Дарье на ладонь рукоятью вперёд.

– Тогда бей не туда, где красиво. Туда, где больно. Глаза, пальцы, горло, колено. И кричи не «помогите». Кричи имя. Люди быстрее бегут на имя, чем на беду.

Дарья сглотнула.

– Учишь?

– Предупреждаю.

– Это одно и то же, если повторить дважды.

Я почти улыбнулась.

Старуха Соль подошла и забрала у Дарьи нож.

– На кухне учатся после завтрака, – сказала она. – Не в общей комнате и не хлебным ножом. Раз уж княжеский совет отправляет девок умирать, пусть хоть одна научит их не делать это покорно.

Милана села обратно, но уже иначе. Не сложились в себя, а удержалась на краю стула. Любава посмотрела на дверь. Олеся, которую я до сих пор почти не слышала, тихо спросила:

– А если мы не хотим учиться убивать?

– Тогда учитесь уходить, – сказала я. – Запоминать коридоры. Узнавать ложь. Держаться по двое. Прятать соль в ру-

каве. Не все должны становиться клинками. Но никто больше не обязан быть жертвой только потому, что её красиво одели.

В этих словах было больше обещания, чем я собиралась дать.

Хуже: я хотела его сдержать.

Лисавка смотрела на меня с таким выражением, будто я только что совершила глупость, которая ей понравилась.

– Поздравляю, – сказала она. – Ты только что завела себе не поклонниц, а свидетелей.

– Свидетели полезнее. Они лучше запоминают, кто виноват.

Старуха Соль фыркнула.

– И громче дают показания.

Мы вышли в коридор.

– Ты только что предложила защиту людям, которые видят в тебе любимую игрушку Кощея.

– Я не игрушка.

– Знаю. Игрушки редко носят нож под платьем так плохо.

– Он виден?

– Всем, у кого есть глаза. У Воронца и без них виден.

Я поправила пояс.

– Покажи, где аптекарская.

– Нет.

– Ты утром говорила...

– Утром я была в безопасной части дня.

– Лисавка.

Она остановилась возле окна.

За стеклом южного крыла было не белое безмолвие, а двор. Там Неждана бросала белому волку кости. Волк ловил их на лету и хрустел так, что звук доходил через стекло.

– Здесь всё слышит кто-то, – сказала Лисавка. – Стены, тени, он, Мор, иногда я. Если хочешь украсть яд, не про-си показать аптекарскую после того, как сказала это вслух в трёх коридорах.

– Значит, покажешь позже.

– Возможно.

– За что?

– За историю.

– Какую?

Она посмотрела на меня. Лисьи зрачки сузились.

– Как дочь воеводы стала девочкой с ядом в волосах.

Я отвернулась к окну.

Неждана подняла голову и помахала мне рукой. Волк тоже посмотрел. У него были человеческие глаза. Старые, усталые, серые.

– Это скучная история.

– Скучные истории не заканчиваются в спальне бессмертного.

– Моя ещё не закончилась.

– Вот поэтому я и спрашиваю.

Я молчала.

Лисавка не торопила. Она умела ждать так, как ждут звери у норы: терпеливо, почти лениво, но без малейшего сомнения, что добыча выйдет.

– Мне было двенадцать, когда меня отправили ко двору, – сказала я наконец. – После спора из-за западных пастбищ. Князь взял меня как залог мира. Отец сказал, что это честь. Я поняла, что это клетка, только позже.

– Княжеский двор был плох?

– Нет. В этом и беда. Плохие места проще ненавидеть.

Я помнила белые стены, тёплые залы, учителей, которые били указкой по пальцам только по правилам. Помнила, как княгиня улыбалась мне при гостях и забывала имя, когда гости уходили. Помнила сыновей бояр, которые делали ставки, заговорю ли я первой. Я не говорила.

Потом появилась Марена.

Старая отравительница с мягкими руками и голосом, в котором всегда слышалась усмешка.

Она сказала: «Если тебя держат залогом, стань таким залогом, который страшно трогать».

И научила меня.

Травам. Порошкам. Тому, как смотреть в глаза мужчине, который думает, что ты беззащитна, и выбирать, в какой кубок подсыпать смерть. Тому, как улыбаться, когда тебя используют, и использовать в ответ.

– Потом замёрз Вологск, – сказала я. – Мне сообщили через месяц. Сухо. «Ваш отец пал жертвой северного колдов-

ства. Ваш брат, вероятно, тоже». Вероятно. Хорошее слово. В нём можно похоронить кого угодно, не пачкая рук.

Лисавка больше не шутила.

– А потом совет вспомнил о тебе.

– Потом совет сказал, что есть способ всё исправить. Кощей требует дань. Среди дани может быть девушка с доступом к его телу. У девушки может быть яд. Если она смела, княжество будет спасено. Если умрёт, её имя запишут в летописи.

– Записали бы?

Я посмотрела на неё.

– Нет.

Она кивнула, будто именно это и хотела услышать.

Мы пошли дальше.

Южное крыло оказалось больше, чем казалось. В нём были комнаты для девушек, мастерские, прачечная, малая лечебница, кладовые с тканями, класс, где старик с прозрачными руками учил трёх детей читать по костяным табличкам. Дети были разные. Один с человеческим лицом и козьими копытцами. Вторая – совсем обычная, если не считать иinea на ресницах. Третий видел меня и тут же спрятался под стол.

– Откуда они?

– Замок подбирает потерянных, – сказала Лисавка.

– Замок?

– Иногда государь. Иногда волки. Иногда дверь открывается сама, а на пороге кто-то сидит и орёт так громко, что

даже мёртвые жалуются.

– И Кощей оставляет их?

– Если живые не хотят, мёртвые заберут.

Она сказала это просто.

Как Старуха Соль ставила суп.

Факт.

Мы прошли через малый дворик под стеклянной крышей. Там росло сухое дерево с серебряными листьями. На ветках висели маленькие колокольчики. Каждый звенел сам по себе, хотя ветра не было.

– Не трогай, – предупредила Лисавка.

– Что будет?

– Узнаешь, кто сейчас думает о твоей смерти.

Я отдёрнула руку.

– Их будет много?

– Колокольчиков не хватит.

В конце дворика была дверь.

Низкая. Железная. На ней тот же знак: игла в круге.

Я остановилась.

Воздух возле двери был другим. Более плотным. Тёплым и холодным сразу. Из-за неё не слышалось ничего, но молчание там было не пустым. Оно стояло, прижавшись к замку с другой стороны.

– Куда это?

Лисавка не ответила.

Я подошла ближе.

Шпилька в волосах нагрелась.

Не как в тронном зале. Сильнее.

– Мирослава, – сказала Лисавка.

Впервые без насмешки.

Я коснулась двери.

И услышала брата.

– Мира.

Колени стали слабыми.

– Ладан?

– Мира, холодно.

Я прижалась ладонью к железу. Оно обожгло.

– Где ты?

– Он держит нас.

Голос дрожал. Совсем как в детстве, когда Ладан пытался не плакать после падения с крыши.

– Кто?

– Кощей.

Я опустила ресницы.

– Ты жив?

– Найди дверь. Открой. Пожалуйста.

Лисавка схватила меня за плечо и оттащила.

Я развернулась, ударила её по руке.

– Не трогай!

Она оскалилась. Теперь в ней не было ничего от рыжей служанки. Только зубы, глаза, хищная злость.

– Это не твой брат.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что твой брат спит под льдом, а за этой дверью не спят.

Дверь дрогнула.

Один раз.

Потом второй.

С той стороны кто-то приложил ладонь.

На железе проступили пальцы. Маленькие. Детские.

– Мира, – прошептал голос. – Ты же обещала меня забрать.

Я не помнила, как вынула нож.

Лисавка встала между мной и дверью.

– Убери.

– Отойди.

– Нет.

– Я сказала, отойди!

Колокольчики на дереве зазвенели все сразу.

Дворик наполнился тонким, бешеным звоном. Дети в классе закричали. Где-то завыл волк. Железная дверь покрылась инеем, хотя воздух вокруг неё стал горячим.

И тогда за моей спиной прозвучал голос Кощея:

– Довольно.

Одно слово.

Колокольчики смолкли.

Дверь перестала дрожать.

Пальцы на железе растаяли.

Я обернулась.

Кощей стоял под аркой. Серый, холодный, безоружный на вид. Но весь дворик вдруг стал его рукой. Его взгляд прошёл по Лисавке, по ножу в моей ладони, по двери.

Потом остановился на мне.

– Ты знала, что к ней нельзя подходить.

Это он сказал Лисавке.

Она опустила голову.

– Она слышала голос.

– Все слышат голос.

– Не все слышат брата.

Кощей посмотрел на дверь.

На миг на его лице появилось что-то, чего я не поняла. Не страх. Не боль. Скорее память о боли, которую он давно запретил себе чувствовать.

– Уйди, – сказал он Лисавке.

– Государь...

– Уйди.

Она ушла, бросив на меня быстрый взгляд. Злой. Предупреждающий. Почти испуганный.

Мы остались вдвоём у железной двери.

Я держала нож так крепко, что пальцы онемели.

– Это был он, – сказала я.

– Нет.

– Вы не знаете.

– Знаю.

– Потому что всё знаете?

– Потому что я слышу эту дверь тысячу лет.

Я шагнула к нему.

– Что за ней?

– То, что надевает лица любимых.

– Мор.

– Его край.

– Вы держите там моего брата?

– Я держу его оттуда.

– Ложь.

– Да, – сказал он устало. – Но опять не сейчас.

Я ударила его ножом.

Не в сердце. Не в горло. В бок, где между рёбрами и поясом ткань лежала без рунной защиты.

Он поймал мою руку.

Конечно.

Но на этот раз я ударила левой.

Булавка из рукава вошла ему под запястье.

Неглубоко.

Достаточно, чтобы выступила кровь.

Кощей посмотрел на булавку.

Потом на меня.

И в его глазах впервые вспыхнуло нечто горячее.

– Лучше, – сказал он.

Я попыталась вырваться.

Он не отпустил.

– Вы поймали меня, – выдохнула я.

– Да.

– Значит, теперь ваша цена?

Мои слова должны были звучать как вызов. Они прозвучали едва слышно.

Его взгляд опустился к моей руке, потом к лицу. Между нами стояла железная дверь, голоса за ней, ложь, правда, кровь на его запястье и моё дыхание, которое никак не хотело стать ровным.

– Нет, – сказал он.

Я моргнула.

– Почему?

Он вынул булавку из своей кожи. Кровь сразу почернела и исчезла под руной.

– Потому что попытка была не против меня. Она была против боли.

– Удобно меня оправдывать.

– Ненавижу удобство.

– Тогда что будет?

Он подошёл ближе.

Я не отступила.

– Ты выучишь замок, Мирослава. Его двери. Его ложь. Его голоса. И когда в следующий раз услышишь брата, ты не побежишь открывать то, что сожрёт его первым.

– А если я не поверю?

– Тогда умрёшь не одна ты.

Это был удар.

Прямой. Без красоты.

Я медленно опустила нож.

За дверью кто-то заплакал детским голосом.

На миг я перестала смотреть.

Кощей стоял рядом. Слишком рядом. Не касался.

От этого стало хуже.

– Он знал мой голос, – сказала я.

– Мор всегда начинается с правды.

– А потом?

– Потом просит открыть.

Я открыла глаза.

– Отведите меня к брату.

– Нет.

– Кощей.

Его имя снова стало ключом между зубов.

Он почти дрогнул.

Почти.

– Не сегодня.

– Когда?

– Когда будешь готова увидеть его и не поверить каждому слову, которое скажет его лицо.

Я хотела возразить.

Не смогла.

Потому что за дверью голос Ладана вдруг изменился. На миг стал ниже. Старше. Чужим.

И тихо рассмеялся.

Кощей закрыл глаза, будто этот смех прошёл по старому шраму.

Потом поднял руку и коснулся двери двумя пальцами.

Руны на его коже вспыхнули.

Железо завизжало.

Не громко. Внутри костей.

Голос за дверью оборвался.

Кощей опустил руку.

На его запястье остался чёрный след от моей булавки.

– Южное крыло на сегодня закончено, – сказал он.

– Приказываете?

– Предлагаю, пока ещё могу говорить мягко.

– А если я откажусь?

Он встретил мой взгляд.

– Тогда я понесу тебя.

В другое время я бы ответила сразу.

Сейчас сил не было.

Я прошла мимо него к арке. На пороге остановилась.

– Кощей.

– Да.

– Если вы лжёте о моём брате, я найду способ убить вас так, что даже сказки забудут ваше имя.

Он не обернулся.

– Если я лгу о твоём брате, я сам дам тебе нож.

Я ушла.

В коридоре пахло хлебом, травами и живыми людьми. От этого хотелось разбить что-нибудь.

Лисавка ждала у поворота. Делала вид, что не ждала.

– Жива? – спросила она.

– Ты сегодня уже спрашивала.

– Здесь это быстро меняется.

Мы пошли обратно молча.

У общей комнаты Милана подняла голову. Я не остановилась. Не смогла бы сейчас быть чьей-то надеждой. У меня самой она трескалась под пальцами.

Когда мы поднялись в северное крыло, Лисавка вдруг сказала:

– Аптекарская за третьей башней. Ключ у Воронца. Он спит стоя после полуночи, но слышит левой стороной лучше, чем правой. Если хочешь украсть яд, иди справа.

Я посмотрела на неё.

– Почему теперь?

Она не улыбалась.

– Потому что ты услышала дверь и не открыла.

– Меня остановили.

– Но нож ты опустила сама.

Она ушла, оставив меня у двери моих покоев.

Я вошла.

На столе лежала новая булавка.

Чёрная. Тонкая. Острая.

И записка без подписи:

«Левая рука быстрее. Не забывай».

Я сжала булавку в ладони.

За окном белый туман медленно прижимался к стеклу.

И где-то далеко, подо льдом или за дверью, мой брат снова
позвал меня.

На этот раз я не ответила.

ГЛАВА 6. МЁРТВЫЙ ЛЕС

Кощей дал мне кинжал рукоятью вперёд.

Я не взяла.

Мы стояли во внутреннем дворе, где снег лежал ровно, будто его расчёсывали костяным гребнем. У ворот ждали трое белых волков, два стража без лиц и сани, запряжённые не лошадьми. У этих существ были лошадиные тела, но гривы шевелились, как туман, а копыта не касались земли.

– Бери, – сказал Кощей.

– Чтобы я защищалась?

– Чтобы ты перестала смотреть на мой пояс.

– На вашем поясе лучше нож.

– У тебя вкус убийцы.

– У меня опыт.

Он был в чёрной коже, с высоким воротом и серебряными браслетами поверх рукавов. Волосы стянуты туго, на виске серебряная прядь, как след клинка. Он не выглядел мужчиной, идущим на охоту. Он выглядел тем, на что охотиться нельзя.

– Опыт подсказывает тебе не брать оружие у врага? – спросил он.

– Опыт подсказывает, что у врага редко бывает одна причина.

– Верно. Первая причина: в лесу без кинжала ты умрёшь

быстро. Вторая: с кинжалом у тебя появится соблазн ударить меня. Третья: мне интересно, какую из первых двух ты выберешь.

Я взяла кинжал.

Рукоять была тёплой.

Я едва не выронила его.

– Что это?

– Кость.

– Чья?

– Того, кто больше не спорит.

Кинжал лёг в ладонь подозрительно удобно. Лезвие было матовым, без блеска. На гарде вырезан маленький знак – волчий зуб.

Один из белых волков поднял голову и посмотрел на меня. Серые глаза. Умные. Нетерпеливые.

– Он понимает? – спросила я.

– Лучше многих людей.

– Как его зовут?

– Сам скажет, если захочет.

Волк фыркнул.

Кощей подал мне перчатки.

– Не надо.

– Ты потеряешь пальцы от обморожения из упрямства.

– А вам какое дело?

Он наклонился чуть ближе.

Не близко.

Достаточно.

– Мне мешает всё, что портит мои планы.

Я выхватила перчатки.

– Я ваш план?

– Пока ты скорее пожар в комнате с порохом.

– Хорошо.

– Это не похвала.

– Я решила иначе.

Лисавка стояла у крыльца, закутавшись в рыжую шаль. На её лице было десять предупреждений и ни одного дозволенного слова. Я подошла к ней.

– Говори.

Она покосилась на Кощея.

– В мёртвом лесу не отвечай, если услышишь знакомый голос.

– Это я уже поняла.

– Не смейся, если увидишь ребёнка.

– Почему?

– Потому что дети там не любят, когда им напоминают, что они умерли.

Я посмотрела на ворота. За ними деревья стояли плотно, прижавшись друг к другу от холода.

– Чего ты боишься? – спросила я.

Лисавка перестала шутить.

– Там всё, что умерло неправильно. А неправильная смерть всегда хочет соседей.

Кощей обернулся.

– Пора.

Я хотела сесть сзади. Он сказал:

– Рядом.

– Не мечтайте.

– Не делай вид, что боишься моего бедра сильнее леса.

Я села рядом.

Сани тронулись без рывка. Замок отступил. Ворота открылись сами, и белые волки пошли впереди, не проваливаясь в снег. За нами двигались стражи без лиц. Тени от них не падали.

Лес принял нас без звука.

В обычном лесу есть жизнь даже зимой: скрип веток, падение снега, невидимые птицы. Здесь не было ничего. Деревья стояли прозрачные, как стекло. Внутри стволов были застывшие птицы, с раскрытыми клювами, будто они пытались вылететь из дерева и не успели.

Я смотрела на них невыносимо долго.

– Не жалею, – сказал Кощей.

– Почему?

– Жалость – дверь.

– У вас всё дверь.

– Потому что живые любят открывать то, что не понимают.

– А вы?

– Я запираю.

Сани скользили между деревьями. Иногда в глубине леса мелькали тени. Не звери. Не люди. Просто движения там, где движения не должно быть.

Один из стражей отстал.

– Ваш не-человек, – сказала я.

Кощей не обернулся.

– Его позвали.

Я посмотрела назад.

Страж стоял у дерева. Перед ним на снегу сидела женщина в красном платке. Спина к нам. Плечи её дрожали, будто она плакала.

– Это ловушка.

– Да.

– И вы ничего не сделаете?

– Он знает правила.

Страж поднял руку, едва коснулся красного платка.

Женщина обернулась.

Лица не было. Только круглый чёрный рот.

Я схватилась за кинжал.

Кощей поднял два пальца.

Белый волк метнулся назад. Не побежал – исчез между деревьями и появился у стража. Пасть раскрылась. Волк схватил женщину за горло. Та выгнулась, стала длиннее, тоньше, превратилась в ленту чёрного дыма и заверещала так, что птицы внутри деревьев звякнули.

Волк вернулся с серым клочком в зубах. Выплюнул его на

снег.

Кощей посмотрел.

Ключок сгорел синим огнём.

– Он знал правила, – сказала я.

– Знал.

– Тогда почему?

– Знание не спасает от надежды.

Дальше мы ехали молча.

Потом Кощей поднял руку. Волки замерли.

Сначала я слышала хруст. Не ветки. Кости. Потом дыхание – много коротких, влажных вдохов.

Между деревьями вышел олень.

То, что когда-то было оленем.

Тело осталось звериным: тонкие ноги, впалые бока, белая шерсть с чёрными пятнами. Но рога были не рогами. Из черепа росли человеческие пальцы, длинные, с ногтями, загнутыми внутрь. На животе открывался второй рот, маленький, детский, с молочными зубами.

Олень повернул голову.

Глаза у него были человеческими.

В них был голод.

– За спину, – сказал Кощей.

– Я могу...

– За спину.

Я шагнула назад. Не потому, что подчинилась. Потому что тело поняло быстрее гордости: это была не добыча. Это была

ошибка, которая научилась ходить.

Второй рот открылся.

– Мира...

Кинжал дёрнулся в моей руке.

Кощей сразу оказался передо мной.

– Не слушай.

– Мира, – сказал рот голосом Ладана. – Холодно.

Кощей произнёс слово. Снег под оленем поднялся кольцом. Лёд сомкнулся на его ногах. Тварь ударилась, пальцы-рога впились в воздух, будто в невидимую ткань.

Что-то треснуло.

Не лёд.

Пространство.

Из трещины повеяло могильной теплотой.

Волки завyli.

Один из пальцев-рогов вытянулся, превратился в белую плоть и рассёк воздух между нами. Кощей оттолкнул меня назад. Плоть прошла там, где было моё горло.

Вторая ударила волчицу.

Белая волчица слева взвизгнула и покатилась по снегу. На её боку открылась чёрная полоса. Из раны не текла кровь. Из неё сыпался иней.

Я бросилась к ней.

– Стоять! – рявкнул Кощей.

Нет.

Волчица пыталась подняться. Плоть тянулась к ней снова.

Я скользнула на коленях по снегу и ударила кинжалом по белой жиле. Лезвие вошло легко, будто в гнилой гриб. Плеть дёрнулась и обвилась вокруг моего запястья.

Холод стал болью.

Внутри кости.

Я закричала.

Кощей оказался рядом. Его рука сжала плеть. На коже вспыхнули руны, чёрные и яростные. Запахло озоном. Плеть задымилась.

– Я сказал стоять за спиной.

– Она бы погибла.

– Да.

– И что?

Его взгляд ударил хуже холода.

– Тогда я потерял бы волчицу. А теперь мог потерять тебя.

Слова повисли между нами.

Он сам понял, что сказал.

Я тоже.

Тварь за нашими спинами взывала. Лёд треснул.

Кощей поднял свободную руку и сжал пальцы. Деревья вокруг оленя взорвались внутрь. Стеклянные стволы разлетелись к твари, как сотни прозрачных копий. Они прошили тело, рога, второй рот, землю под копытами.

Крики оборвались.

Потом тварь рассыпалась на чёрных насекомых, похожих на маленькие иглы. Волки бросились вперёд.

Кощей сорвал перчатку с моей левой руки. На запястье, где плоть коснулась кожи, расползались чёрные нити.

– Если яд Мора дойдёт до плеча, я отрежу руку.

Я замерла.

Он поднёс мою руку к своему рту.

– Что ты...

– Молчи.

Его губы коснулись кожи.

Не как поцелуй.

Хуже.

Он втянул воздух прямо над раной, и чёрные нити под кожей дрогнули, остановились, потянулись обратно. Боль стала такой резкой, что я вцепилась свободной рукой в его плечо.

– Дыши, – сказал он.

– Ненавижу вас.

– Потом.

Чёрная линия перешла на его губы, затем исчезла под кожей. Руны на горле вспыхнули. Одна треснула. Он закрыл глаза.

Ему было больно.

Это почему-то оказалось страшнее, чем боль во мне.

– Хватит.

– Не тебе решать.

– Это моя рука.

– Сейчас – моя ошибка.

Он закончил только тогда, когда кожа у моего запястья

стала бледной, чистой, с тонкой красной полосой посередине.

Волчица подошла, хромая. Огромная голова коснулась моего плеча.

– Она благодарит, – сказал Кощей.

– Она может сама сказать?

Волчица фыркнула мне в ухо.

На мгновение в моей голове прозвучал женский голос:

Глупая.

Я отпрянула.

Кощей усмехнулся.

– Знакомься. Рута.

Рута ткнулась носом в моё плечо. Потом повернулась к Кощей и зарычала.

– Я знаю, – сказал он. – Она не слушает.

Сани повернули обратно. Лес тянулся за нами шорохом, которого раньше не было, и голосами, почти складывающимися в слова. Один раз я слышала мать. Она умерла, когда мне было шесть, и голос её я едва помнила. Лес помнил лучше.

Я закрыла уши.

Кощей сел ближе.

Не коснулся. Просто закрыл меня от правой стороны леса, где голоса были сильнее. Его плечо оказалось рядом с моим. Между нами лежал плащ, воздух, недоверие.

Мало.

До боли мало.

У ворот замка он встал первым и протянул руку.

– Я могу сама.

– Не сомневаюсь.

Рука осталась.

Я приняла её.

Лисавка ждала у крыльца. Увидев моё лицо, плащ Кощея на моих плечах и целое запястье, она закрыла глаза.

– Сколько раз она не послушалась?

– Дважды, – сказал Кощей.

– То есть четыре.

– Возможно.

– А попыталась убить?

Он поднял глаза.

Я смотрела в ответ.

На запястье болела красная полоса. В волосах сидела шпилька. Под плащом лежал кинжал.

Возможность была.

Плохая. Глупая. Почти самоубийственная.

Но я всё ещё слышала, как он сказал: мог потерять тебя.

И именно поэтому вытащила шпильку.

Я шагнула к Кощей, будто собиралась вернуть плащ. Он не двинулся. Смотрел на мою правую руку.

Тогда я ударила левой.

Не шпилькой.

Кинжалом из-под плаща.

Он поймал моё запястье.

Поздно.

Острые коснулось кожи над ключицей. Тонкая чёрная линия выступила из-под воротника. Неглубоко. Не смертельно. Но это была кровь.

Его глаза потемнели.

– Вот теперь, – сказал Кощей тихо, – ты должна мне ночь.

У меня пересохло во рту.

Я могла сказать нет.

Слово было рядом. Простое. Разрешённое им же. Он бы отпустил.

Но вместо этого я спросила:

– Сегодня?

Он отпустил моё запястье.

– Когда сама придёшь.

Приказ ранил бы меньше.

Он ушёл в замок.

Лисавка подошла медленно, как к человеку у края проруби.

– Довольна?

Я посмотрела на закрывшиеся двери.

В месте, где кинжал коснулся его кожи, у меня самой почему-то болело под ключицей.

– Нет.

Лисавка вздохнула.

– Значит, всё хуже, чем я думала.

ГЛАВА 7. ЦЕНА ПОПЫТКИ

Я пришла к нему после полуночи.

Это была моя первая ошибка.

Вторая – что я пришла сама.

Третья – что перед дверью его покоев я остановилась, подняла руку, чтобы постучать, и поняла: если сейчас развернусь, никто не узнает. Лисавка спит или делает вид. Воронец где-то считает ключи без зубцов. Южное крыло давно затихло. Кощей сказал: когда сама придёшь.

Не приказал.

Не прислал стражу.

Не оставил выбора, который можно было бы ненавидеть.

Я могла уйти.

В этом и была ловушка.

Я постучала.

– Входи, – сказал он за дверью.

Не спросил, кто.

Конечно.

Я вошла.

Его покои были больше моих, но не роскошнее. Я ожидала золота, трофеев, костей врагов, зеркал с пойманными душами. Вместо этого – тёмное дерево, камин с белым огнём, стол, карты, несколько сундуков, полки с книгами, кровать у дальней стены и огромные окна, за которыми не было ночи.

Там лежал мёртвый лес, белый и неподвижный.

Кощей стоял у стола без плаща и оружия.

На нём была чёрная рубаха с расстёгнутым воротом. Там, где мой кинжал коснулся кожи, виднелась тонкая линия. Не рана даже. Намёк.

Он задержал на мне взгляд.

Я закрыла дверь.

Щелчок прозвучал слишком громко.

– Ты могла не приходить, – сказал он.

– Могла.

– Почему пришла?

Я сняла перчатки. Медленно. Пальцы не дрожали. Хорошо.

– Потому что долг надо платить.

– Это не долг.

– Тогда что?

– Последствие выбора.

– Какое удобное слово для мужчины с властью.

Он обошёл стол и остановился на расстоянии трёх шагов. На столе стояли две чаши вина, миска с водой, чистая ткань, мазь для моего запястья и маленький нож.

Я посмотрела на нож.

– Для меня?

– Если захочешь уйти с драмой.

– Слабое лезвие.

– Для драмы хватит.

Я не улыбнулась.

Он тоже.

Тишина между нами была другой, чем в тронном зале. Там она давила на колени. Здесь держалась у горла и не давала сделать глубокий вдох.

Кощей указал на кресло.

– Садись. Руку нужно обработать.

– Я не за мазью пришла.

– Знаю.

– Тогда зачем?

– Потому что ты весь день делала вид, что рука не болит, и это утомительно даже для окружающих.

Я посмотрела на красную полосу на запястье. Она действительно болела. Тихо, настойчиво, как злая память.

– Вы всегда начинаете такие ночи с врачевания?

– Нет. Обычно с попытки меня отравить.

– Я могу исправить.

– Вино уже проверено.

– Мной нет.

Я подошла к столу и взяла чашу. Поднесла к губам. Не пила. Смотрела на него поверх края.

– Вы позволите мне проверить?

В его взгляде мелькнуло понимание.

Потом интерес.

Он взял вторую чашу и отпил первым.

Я ждала.

Смерти не случилось.

Жаль.

Я сделала глоток. Вино оказалось тёмным, терпким, с привкусом дыма. И вишни. Слишком живой вкус для этого места.

– Южные погреба, – сказал он.

– У вас есть юг?

– У всех есть то, что они потеряли.

Я поставила чашу.

– Не надо.

– Что?

– Говорить так, будто каждое слово должно оставить шрам.

– У тебя их уже достаточно?

– Не ваших.

Он медленно кивнул.

– Садись.

Я села.

Не в кресло, на край стола.

Нарочно.

Мелкое неповиновение. Но сегодня я нуждалась в мелочах. Большие вещи подозрительно легко рушились.

Кощей посмотрел на стол, потом на меня.

– Упрямство у тебя занимает много места.

– Потеснитесь.

Он взял ткань и мазь. Подошёл.

Я протянула руку.

Он не коснулся сразу.

– Мирослава.

– Что?

– Если скажешь нет, я отойду.

– Вы это уже говорили.

– Повторю столько раз, сколько потребуется.

– Чтобы казаться благородным?

– Чтобы ты не спутала страх с согласием.

Я хотела ответить резко.

Не смогла.

Потому что это было не то, чему меня учили. При дворе мужчины говорили о чести, пока закрывали двери. Княжеские сыновья смеялись, если девушка отступала. Старые бояре называли покорность добродетелью. Совет отправил меня как дань и назвал это служением княжеству.

А чудовище в ледяном замке стояло в трёх шагах и ждало слова, которое дало бы ему право коснуться моего запястья.

Мир был плохо устроен.

– Я не боюсь, – сказала я.

Ложь.

Кощей услышал.

– Боишься.

– Не вас.

– Себя?

Я выдернула руку.

– Не лезьте туда, где не умеете ходить.

– Я редко хожу только там, где умею.

– Поэтому бессмертны?

– Поэтому часто жалею.

Он ждал.

Я снова протянула руку.

На этот раз он взял её. Осторожно. Его пальцы были холодными, мазь – тёплой. Странное сочетание. Он нанёс её на красную полосу, и боль сначала стала острой, потом отступила.

Я смотрела не на руку.

На его лицо.

С близкого расстояния он казался менее безупречным. Усталость у глаз. Тонкий шрам у нижней губы. Ещё один, едва заметный, под ухом, где пряталась тёмная руна. На виске серебряная прядь начиналась не у корней, а от старого рубца.

– Откуда? – спросила я.

Он не поднял глаз.

– Что?

Я коснулась своего виска, показывая.

Его рука на миг остановилась.

– Подарок.

– От кого?

– Женщины, которая умела бить левой.

Ревность – глупое чувство. Особенно когда оно приходит к женщине, которая пришла платить цену за попытку убий-

ства. Я не должна была чувствовать ничего. Тем более этого – острую, мелочную досаду.

Я убрала руку.

– Фаворитка?

– Нет.

– Любовница?

Взгляд снова нашёл меня.

– Учительница.

Я сама не знала, стало ли легче.

– Она жива?

– Нет.

– Вы убили?

– Она попросила.

Я замолчала.

Он закончил обрабатывать запястье и перевязал тонкой полоской ткани. Узел сделал аккуратно. Слишком аккуратно для человека, чьи руки могли ломать двери между мирами.

– Где твоё оружие? – спросил он.

– Какое именно?

– Всё.

Я улыбнулась.

Теперь уже не почти.

– Найдите.

Воздух изменился.

Не сильно. Просто белый огонь в камине стал ниже, а тени за его спиной – длиннее.

Кощей положил мазь на стол.

– Ты уверена?

– Нет.

– Хорошо.

Он шагнул ближе.

Я осталась сидеть на столе.

Первым он вынул шпильку из моих волос. Медленно, не задевая кожу. Волосы рассыпались по плечам. Он положил шпильку рядом с чашей вина.

– Один.

Его пальцы скользнули к вороту моего платья. Не внутрь. По ткани. Он нажал на маленький шов у ключицы, и оттуда выпала тонкая игла.

– Два.

– Просто.

– Ты хотела, чтобы я начал с простого.

Он опустился на одно колено.

Я втянула воздух.

Он остановился.

Поднял глаза.

– Нет?

Слово стояло между нами открытой дверью.

Я могла выйти.

Я не вышла.

– Продолжайте.

Из голенища моего сапога он достал маленький нож. Из

подола – проволоку. Из левого рукава – булавку. Из пояса – плоский пузырьёк без запаха.

– Яд?

– Сонная настойка.

– Для меня?

– Для себя. На случай, если вы окажетесь скучны.

Он поднял бровь.

– Я постараюсь.

Легче, чем следовало.

И от этой лёгкости стало опаснее.

Он встал. На столе между нами лежала маленькая коллекция моих попыток выжить.

– Ещё одно.

Я не моргнула.

– Нет.

– Это видно по твоим плечам.

– Тогда не смотрите так внимательно.

Последнее лезвие было в корсете, под нижней костью, ближе к ребру. Достать его можно было только изнутри. Я оставила его не потому, что рассчитывала ударить. Потому что без последнего оружия чувствовала бы себя голой.

Кощей понял.

Конечно понял.

– Сама, – сказал он.

Хуже любого прикосновения.

Я могла отказаться. Отшутиться. Назвать его трусом. Вы-

тащить лезвие и попытаться ударить. Вместо этого медленно подняла руки к застёжкам у спины.

Пальцы вдруг стали неуклюжими.

Я ненавидела это.

Кощей не помог.

Смотрел.

Нет. Не просто смотрел.

Ждал, пока я решу, сколько отдать. Где остановиться. Как назвать этот миг: уступкой, расчётом, желанием, новым способом держать нож.

Я расстегнула верхние крючки. Ткань ослабла. Воздух коснулся кожи между лопатками.

– Достаточно, – сказал он.

– Вы же искали оружие.

– Я нашёл.

– Где?

Его взгляд не опустил.

– В том, что ты хочешь заставить меня смотреть и ненавидишь, что хочешь этого.

Удар.

Точный.

Я спрыгнула со стола.

Он не отступил. Мы оказались опасно близко. Так близко, что ткань моего платья едва касалась его рубахи. Я чувствовала холод, исходящий от него, и собственный жар под кожей. Они встречались между нами, спорили беззвучно.

– Вы чересчур много о себе думаете, – сказала я.

– Да.

– Это не признание.

– Это предупреждение.

Я подняла подбородок.

– Тогда я тоже предупрежу. Если вы сейчас прикоснётесь ко мне так, что я не захочу, я скажу нет.

– Хорошо.

– И вы отойдёте.

– Да.

– Даже если я буду лгать?

– Особенно если ты будешь лгать.

Гнев пришёл быстро. Спасительный.

– Ненавижу вас.

– Знаю.

– Нет. Не знаете. Я ненавижу, что вы делаете вид, будто даёте мне выбор, хотя всё вокруг уже ваше. Замок ваш. Дороги ваши. Мой город под вашим льдом. Мой брат за вашей дверью или в вашем сне. Даже моя попытка убить вас стала вашей игрой.

Он слушал.

Это бесило ещё сильнее.

– Скажите что-нибудь.

– Ты права.

Я замолчала.

– Это всё? – спросила я.

– Нет. Ты права не во всём. Но достаточно, чтобы я не стал спорить ради победы.

– А ради чего спорите?

– Ради тех редких случаев, когда победа что-то меняет.

Он протянул руку и коснулся края расстёгнутого воротника. Не кожи. Ткани.

Я не двигалась.

Его пальцы остановились.

– Нет?

Я спрятала взгляд.

Одно слово.

Простое.

Я видела дверь. Видела, как могу пройти через неё. Видела себя в коридоре, злую, живую, целую. Видела, как завтра снова буду держать нож и ненавидеть его без этой странной дрожи под рёбрами.

Потом открыла глаза.

– Не останавливайтесь каждый раз так, будто я стеклянная.

– Ты не стеклянная.

– Тогда?

– Ты треснула в местах, где сама ещё не знаешь.

Я ударила его кулаком в грудь.

Несильно.

Достаточно, чтобы он замолчал.

– Не надо.

– Хорошо.

– И не будьте нежным.

Его взгляд потемнел.

– Это был приказ?

– Просьба.

– Ложь.

Я схватила его за ворот рубахи и потянула вниз.

Поцелуй не был мягким.

Я не позволила бы.

Он замер на один удар сердца, и в этом мгновении было всё: его обещание отступить, мой выбор, моя злость на собственную руку, которая держала его крепче, чем нужно. Потом он ответил.

Холод его рта должен был оттолкнуть.

Не оттолкнул.

Он целовал так, будто не забывал ничего. Ни моего ножа у горла, ни плевка, ни мёртвого леса, ни того, что я пришла к нему как враг. Не стирал это. Вплетал.

Я почувствовала край стола за спиной. Он не прижал. Я сама шагнула назад. Сама позволила. Сама ненавидела это слово, потому что оно отнимало у меня последнее оправдание.

Его ладонь легла на стол рядом с моим бедром.

Не на меня.

Близость без касания.

Хуже.

Я оторвалась от его рта.

– Вы всегда так контролируете себя?

– Нет.

– Со мной?

– Пока да.

– Почему?

Он смотрел на меня, и впервые в этом взгляде было усилие.

– Потому что если я забуду, кто ты, ты не простишь мне. А если ты забудешь, кто я, я не прощу себе.

Тишина.

Моё дыхание.

Его руны под воротом, темнее обычного.

Я медленно взяла его руку и положила себе на талию.

Пальцы сомкнулись не сразу.

Когда сомкнулись, я поняла, что память из мёртвого леса была слабой тенью. Настоящее прикосновение оказалось точным, тяжёлым, не про владение – про удержание на краю, где я сама решила стоять.

– Сегодня я не забуду, – сказала я.

Он наклонился.

– Тогда скажи, зачем пришла.

Я должна была сказать: заплатить цену.

Или: убить вас позже.

Или: узнать, сколько власти вы оставите мне в комнате, где всё ваше.

Вместо этого сказала правду:

– Чтобы перестать думать, что было бы, если бы я не отступила.

Его рука на моей талии сжалась.

Один раз.

Слишком человечески.

– И?

– И я всё ещё могу уйти.

– Да.

– Скажите ещё раз.

– Ты можешь уйти.

Я взяла его лицо в ладони. Кожа холодная. Шрам у губы под большим пальцем. Он не закрывал глаз. Ни на миг. Будто боялся пропустить моё решение.

– Закрой дверь на засов, – сказала я.

Он не двинулся.

– Мирослава.

– Я сказала – закрой дверь.

– Это не ответ. И вы это знаете.

– Нет. Это выбор.

Он смотрел на меня ещё один вдох.

Потом подошёл к двери и опустил засов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.